

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
_____ А.В. Колмогорова

« ____ » _____ 2019г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С
СЕМАНТИКОЙ ЖЕСТОКОСТИ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ**

Выпускник

В.Г. Дубицкая

Научный руководитель

канд. филол. наук,
А.А. Яковлев

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА И ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	6
1.1. Перевод как вид речевой деятельности: лингвистические подходы к его изучению.....	6
1.1.1. Сущность и определение перевода	6
1.1.2. Основные понятия теории перевода: эквивалентность, адекватность, единица перевода.....	13
1.1.3. Переводческие трансформации как переводоведческое понятие.	18
1.2. Гендерная лингвистика: объект, предмет, метод.....	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	27
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С СЕМАНТИКОЙ ЖЕСТОКОСТИ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ.....	29
2.1. Анализ переводов, выполненных женщинами	30
2.2. Анализ переводов, выполненных мужчинами.....	50
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	69
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	71

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению особенностей перевода художественного текста с выраженной семантикой жестокости с французского языка на русский в аспекте гендера переводчика.

Актуальность выбранной темы обусловлена наличием нерешённых проблем в переводоведении, а также недостаточной изученностью гендерного аспекта личности переводчика при переводе художественных текстов с французского языка на русский. Более того, мало изученным представляется восприятие и интерпретация описаний сцен насилия и жестокости в письменных текстах переводчиками. Ни в одном из изученных нами исследований, не рассматривается гендерный аспект выбора языковых средств для передачи смысла текста-оригинала на язык перевода.

Степень разработанности проблемы. На сегодняшний день существует ряд переводоведческих работ, затрагивающих проблему влияния гендера на конечный результат перевода. Однако эти работы обычно касаются самых общих вопросов выбора средств перевода, оставляя без внимания более частные случаи, такие как перевод текстов со специфической семантикой. Следовательно, проблема влияния гендера на перевод является разработанной лишь в общем плане и требует дальнейших исследований.

Цель, выпускной квалификационной работы выявить влияние гендера переводчика на выбор переводческих решений при переводе текста с семантикой жестокости.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Изучить теоретический материал по теме исследования;
2. Составить текст с описанием насилия и жестокости для проведения эксперимента;
3. Подготовить и провести переводоведческий эксперимент;
4. Проанализировать результаты проведенного эксперимента;
5. Проверить гипотезу, положенную в основу эксперимента.

Гипотеза исследования состояла в том, что переводчики с разной гендерной принадлежностью будут выбирать разные переводческие трансформации при переводе текста с семантикой жестокости.

Объектом исследования является семантика жестокости и насилия. В качестве **предмета** исследования выступили средства перевода текста с семантикой жестокости, выбираемые переводчиками с разным гендером.

В ходе исследования использовались такие **методы**, как анализ и обобщение (при анализе литературы), переводоведческий эксперимент, семантический, контекстуальный и переводческий анализ (при обработке полученного эмпирического материала).

Материалом исследования послужили результаты проведенного переводоведческого эксперимента по переводу текста с семантикой насилия с французского языка на русский, осуществленного субъектами с разным гендером.

В качестве **теоретической базы** были приняты работы по переводоведению В.Н. Комиссарова, А.Г. Витренко, Л.С. Бархударова, Н.К. Гарбовского, Ю. Найды, Дж. Кэтфорда, И. Вехмас-Лехто и Ж. Мунэна. В рамках гендерной лингвистики мы придерживались точки зрения А.В. Кирилиной и М.В. Томской. Кроме того, мы опирались на лингвистические идеи А.А. Залевской и Е.К. Черничкиной.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит вклад в разработку методов переводоведческого эксперимента и переводоведения в целом.

Практическая значимость состоит в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании практического курса перевода, теории перевода и стилистики французского языка.

Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Списка использованной литературы.

В **первой главе** данной выпускной квалификационной работы рассматриваются теоретические основы переводоведения, гендерной

лингвистики, и чего-то еще. Изучается теоретическая база переводоведения: сущность перевода, единица перевода, характеристики перевода, виды переводческих трансформаций.

Вторая глава посвящена анализу материала исследования, полученного экспериментальным путём. В данной главе сопоставляются переводы экспериментального текста, полученные от переводчиков-женщин, с переводами, сделанными переводчиками-мужчинами.

Работа получила апробацию на конференции «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека», состоявшейся в 2019 году.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА И ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Перевод как вид речевой деятельности: лингвистические подходы к его изучению

1.1.1. Сущность и определение перевода

Современная отечественная переводоведческая традиция сложилась во второй половине 20-го века, и связана она с такими учёными, как В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, Л.С. Бархударов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, И.А. Кашкин, А.В. Федоров. Среди зарубежных классиков теоретических основ перевода часто называют Ю. Найда, Дж. Кэтфорд, К. Норд, Ж-П. Вине и Ж. Дарбельне. В переводоведческой науке существует множество концепций и школ, авторы которых различаются во взглядах на такие основополагающие понятия, как предмет переводоведения, единица перевода, сущность перевода, норма перевода и так далее. Когда данная научная дисциплина только начинала формироваться, под вопросом была её отнесенность к ряду литературоведческих или же сугубо лингвистических. Однако же всё большим развитием теоретической базы, экспериментальных и практических исследований, появлением новых школ и подходов, стало принято выделять переводоведение как особую научную дисциплину, использующую как литературоведческие, так и лингвистические методы, и приёмы, но обладающую своими целями и задачами, не сводимыми к другим дисциплинам.

Прежде всего, необходимо определить терминологические рамки для самого понятия перевода. В общенаучном плане, перевод рассматривается не только как статичный продукт, но также как деятельностный процесс. Таким образом, существует два направления для исследования перевода в рамках лингвистики: а) как процесс интерпретации смысла на одном языке и процесс передачи этого же смысла на другой язык, б) как результат процесса

перевода. Так, В.Н. Комиссаров даёт такое определение перевода во вступительной статье к сборнику статей по вопросам зарубежной теории перевода: «...перевод может быть определен в лингвистическом плане как особый вид соотнесенного функционирования языков» [Комиссаров, 1980:37]. Хотя при переводе используются две разные языковые системы, их функционирование происходит независимо друг от друга, с использованием «коммуникативно равноценных единиц». Именно такие единицы и приводят к тому, что у текста оригинала и перевода появляется «коммуникативная равноценность... явление объективное, отражающее, универсальные свойства языка» [Там же: 39], то есть любой текст потенциально содержит в себе всю систему языка, и перевод осуществляется именно в рамках нескольких языковых систем. Хотя В.Н. Комиссаров говорит об объективности подобной равноценности двух текстов, «коммуникативное приравнивание речевых единиц ИЯ и ПЯ осуществляется в языковом сознании переводчика» [Там же: 40]. Таким образом, на переводчика возлагается ответственность за «коммуникативное приравнивание» единиц двух языков, с учётом всей языковой системы, и воссоздание, таким образом, объективного явления [Neubert, 2003: 68].

Подобным же образом о сущности перевода рассуждает и А.Д. Швейцер: для «верного» перевода необходимо соответствие смыслового содержания двух текстов. Он предлагает своё определение перевода, состоящее из двух частей: 1) однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; 2) процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями [Швейцер, 1988: 75]. Следовательно, переводчик стремится к соответствию

«коммуникативного эффекта» переводного текста и оригинала. Здесь А.Д. Швейцеротходит от понимания перевода как смыслового соответствия, поскольку различие между двумя языками, двумя культурами и коммуникативными ситуациями помешает воссоздать текст оригинала на другом языке. Именно поэтому цель переводчика – это воссоздание сходного эффекта на читателя, то есть переводчику необходимо преобразовать смысла текста-оригинала так, чтобы сохранить исходные прагматические характеристики текста.

Л.С. Бархударов даёт такое определение перевода: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [Бархударов, 1975: 11]. Оно является рабочим для его семантико-семиотической модели перевода, однако с двумя важными оговорками: «значение» должно пониматься максимально широко, а преобразование смысла невозможно без потерь. Для Л.С. Бархударова текст оригинала и переводной текст являются «семантически тождественными», на этом основании он относил переводоведение к языковедческим наукам [Бархударов, 1975: 28].

Согласно Н.К. Гарбовскому, «перевод – это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами, реализующаяся в ходе психофизической деятельности билингва по отражению реальной действительности на основе его индивидуальных способностей интерпретатора, осуществляющего переход от одной семиотической системы к другой с целью эквивалентной, т.е. максимально полной, но всегда частичной, передачи системы смыслов, заключенной в исходном сообщении, от одного коммуниканта другому» [Гарбовский, 2007: 214]. В такой трактовке перевод не может принадлежать лишь лингвистической или же литературоведческой науке, он предполагает взаимодействие и совместное функционирование нескольких научных дисциплин (социология, лингвистика, психология и т.д.), так как перевод не

является только передачей языковых значений ИЯ на ПЯ, но включает в себя деятельность переводчика, которая вовлекает в процесс несколько человек. Необходимо отметить, что Н.К. Гарбовский в своём определении не упоминает переводчика как такового, но, вместо этого, говорит об интерпретаторе-билингве. Валидность перевода измеряется мерой его *эквивалентности*.

Взгляд на перевод как на особый вид билингвизма мы находим также и у зарубежных учёных. Например, Ж. Мунэн настаивает на том, что перевод надо рассматривать, как одну из форм языкового контакта. Языковой контакт он понимает, как У. Вайнрайх: «Два или более языков находятся в контакте, если ими пользуются попеременно одни и те же люди» [Вайнрайх, цит. по: Мунэн 1978: 36]. Следовательно, билингвизмом он называет «явление попеременного использования одним и тем же человеком двух языков» [Мунэн 1978: 36]. На первый взгляд, такая постановка вопроса упрощает взгляд на перевод, и делает возможным его теоретическое изучение, поскольку структурно-лингвистический подход не давал ответов на многие вопросы, но только приводил учёных в тупик: возможен ли перевод, если нельзя добиться полной эквивалентности текстов на двух языках. Мнение о том, что перевод совершается билингвом (и это неоспоримый факт), а значит, является типом билингвизма, снимает некоторые из вопросов (например, каким образом переводчик подбирает межъязыковые эквиваленты на всех уровнях языка), но, однако же, ставит и множество других.

Главная проблема при взгляде на переводческую деятельность как на явление билингвизма – это проблема интерференции языков в сознании переводчика-билингва. Ж. Мунэн не зря уделяет внимание тому факту, что переводчик – не обычный билингв, который знает системы двух языков и может общаться на них, но «профессиональный билингв» [Мунэн 1978: 40]. Подобный «профессионализм» и делает особым этот вид языкового контакта – переводчик намеренно избегает любой возможной интерференции между языками, которыми он владеет. В таком случае, цель переводчика –

это выразить на другом языке тот же смысл, но используя при этом, средства лишь одного языка.

Н.К. Гарбовский в этой связи цитируя Ж. Мунэна обращает внимание на тот факт, что переводческий билингвизм часто носит *асимметричный* характер [Гарбовский 2007: 11]. Другими словами, типичный переводчик – не владеет двумя языками с рождения, но овладевает вторым языком в процессе обучения. Отсюда следует, что в своей переводческой практике они сталкиваются с проблемами интерференции, т.к. «оба языка присутствуют в акте речи и функционируют одновременно» [Там же]. Переводчик анализирует информацию, полученную на втором языке через призму первого языка, и только через призму первой культуры он может понять смысл, заключённый в тексте ИЯ. Считается, что критерий «происхождения» языка – один из решающих, так как от источника полученных знаний зависит способ взаимодействия языков в сознании индивида [Тихонова, 2000: 57]. О подобном типе двуязычия (или билингвизма) говорит А.А. Залевская и называет его *учебным (искусственным)* двуязычием, которое формируется в специфических условиях организованного обучения второму/иностранному языку [Залевская, 2013а: 100]. В зарубежной лингвистике наиболее близким термином учебному двуязычию чаще всего является понятие *second-language acquisition (SLA)*, под которым понимается изучение второго иностранного языка на базе первого. Однако Л. Вэй приводит и такие определения для второго языка и «вторичного билингвизма», соответственно: «язык, усвоенный индивидом, после освоения им/ей первого языка»; «ситуация, когда второй язык билингва был изучен через формальное обучение» [Wei, 2001: 459]. Следуя определению учебного билингвизма, предложенного в работе Е.К. Черничкиной, будем считать таковым «владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен вне естественной языковой среды» [Черничкина, 2007: 11].

Вышеназванные определения довольно близки по смыслу определению А.А. Залевской. Согласно ее исследованиям, различие между учебным и

естественным двуязычием наблюдается в речевой деятельности таких индивидов. Следовательно, влияет на сам процесс изучения языка, обработку получаемых знаний и их структурирование. Несмотря на явные преимущества при обучении (системная презентация языковых явлений, целенаправленное обучение, наличие учителя-профессионала, работа над ошибками под руководством учителя, наличие специальных методов обучения), люди с учебным двуязычием не обладают многими важными компетенциями в сравнении с естественными билингвами. Например, при учебном двуязычии формируется преимущественно субординативный тип (при котором родной язык играет большую роль, чем изучаемый второй), условно-коммуникативные компетенции, преобладают знания декларативного типа, пользование языком ограничено программой обучения и количеством занятий. А.А. Залевская говорит, что такие результаты происходят из особенностей процессов формирования двуязычия (с появлением «промежуточного языка») и механизмов деятельности субъекта (сознательного и бессознательного контроля второго языка), которые формируют «живое» знание. Такое знание – это «результат работы сознания в системе деятельности человека», и оно формирует образ мира индивида [Залевская, 2013: 105–115].

Учебный билингвизм означает, кроме специализированной среды обучения, что научение второму языковому коду происходит после приобретения устойчивой системы первого, поэтому второй язык, накладываясь на уже сформированную систему языковых знаний и представлений, которая влияет на специфику и функциональные особенности второго языкового кода. Хотя нет точных данных, использует ли билингв при этом две отдельных, но связанных, языковых системы или оба языка сосуществуют вместе, при любом ответе на этот вопрос, не меняется тот факт, что ресурсы обеих систем используются даже при активации только одной из них [Bialystok, 2003: 98, 102].

Рассуждая о природе билингвизма, и влиянии неполного овладения языком на переводческую деятельность, следует сказать о том, что, согласно некоторым учёным, абсолютного билингвизма не существует как такового. Термин «двуязычие» вышел за рамки безупречного владения двумя языковыми кодами, а понятие «носитель языка» ставится под сомнение ввиду его размытости и не вполне однозначного значения. А. Дейвис в своей книге «TheNativeSpeaker: MythandReality» приходит к выводу о том, что каждый человек является носителем только своего личного языкового кода, поэтому он отвергает существование термина «многоязычие» как противоречащее логике [Davies, 2003: 213].

Рассмотрим, также, другие точки зрения на сущность перевода. Зарубежные классики переводоведения Ю. Найда и Дж. Кэтфорд говорили о переводе как о выборе эквивалентов (близких и подходящих вариантов) на языке перевода, которые и будут составлять верный со смысловой стороны перевод. Дж. Кэтфорд понимает перевод как «замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке» [Catford, 1965: 20]. Ю. Найда определяет цель переводчика как поиск «ближайшего естественного эквивалента» (the closest natural equivalent), и здесь он, как и А.Д. Швейцер, говорит о мере эквивалентности ПТ и об эффекте, оказываемом на читателя, иными словами, какой смысл читатель вынесет из прочитанного: «достаточно похоже так, чтобы ни один читатель переведённого текста не истолковал неправильно соответствующий смысл исходного текста» [Nida, 2001: 6].

Мы будем придерживаться определения Н.К. Гарбовского, так как в нём учитывается личность самого переводчика (билингвизм), междисциплинарность в подходе к изучению теории перевода, а также, невозможность достижения на практике абсолютной эквивалентности переводного текста.

1.1.2. Основные понятия теории перевода: эквивалентность, адекватность, единица перевода

В определении Н.К. Гарбовского и Дж. Кэтфорда мы уже встречались с понятием эквивалентности переведённого текста. Данное понятие часто скрывается и под другими словами, такими как точный, близкий, подходящий. Понятие эквивалентности прошло в переводоведении долгий путь, который начался с предположения о тождественности ИТ и ПТ. Данный термин вошел в переводоведческую науку для оценки качества перевода как продукта деятельности. С термином эквивалентность часто можно встретить другой – *адекватность*. Эквивалентность и адекватность используются для описания качественного, хорошего перевода, смысл которого максимально приближен к смыслу оригинала. Хотя данные термины и являются основополагающими и необходимыми для переводоведения, их определения разительно отличаются от автора к автору и остаются довольно «туманными», недостающими определённости и чёткости. Так происходит от того, что оба термина носят нормативно-оценочный характер. Следует подчеркнуть, что слова адекватность и эквивалентность имеют одно происхождение: от латинского слова *adeque* – равно, одинаково, так же. [Гарбовский, 2007: 286].

С.Г. Бархударов рассуждает о понятии эквивалентности относительно плана выражения и содержания текста перевода. Эквивалентными он называет единицы двух языков, которые совпадают, то есть одинаковы, в плане содержания, но различны по плану выражения, то есть по форме. Значит, для С.Г. Бархударова текст оригинала эквивалентен тексту перевода, если его значение совпадает со значением, переданным текстом-переводом. Эквивалентность оказывается инвариантом, который остаётся неизменным для двух текстов на разных языках. Итак, качественный перевод должен сохранять в себе план содержания текста оригинала. Вслед за рассуждением об эквивалентности С.Г. Бархударов даёт своё определение перевода:

«Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения». Другими словами, он говорит о том, что перевод – это процесс эквивалентного преобразования одного текста в другой (на другом языке) [Бархударов, 1975: 10]. Подобные определения давали Ю. Найда и Дж Кэтфорд. Однако С.Г. Бархударов подчёркивает, что план содержания не может быть передан на другом языке с абсолютной точностью, поскольку семантика лексических единиц одного языка никогда полностью не совпадает с лексическими единицами другого языка; из чего он делает вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника» [Бархударов, 1975: 11]. А задача переводчика – это свести к минимуму семантические «потери» перевода и максимально приблизить содержательный план ПТ к тексту оригинала.

А.Д. Швейцер видит эквивалентность как одно из обязательных требований перевода, это критерий его оценки. Таким образом, можно сказать, что это «онтологическая черта перевода» [Швейцер, 1988: 76]. Он строит свою многоуровневую модель эквивалентности, которая связывается с коммуникативной установкой. Тогда задача переводчика – достичь такого же коммуникативного эффекта у читателя, который был достигнут оригинальным текстом. Следовательно, существование понятия эквивалентности продиктовано наличием функциональной роли при совершении переводческой деятельности. Поэтому в теории А.Д. Швейцера говорится о *функциональной эквивалентности*. Эквивалентный перевод, в его концепции, стоит на выборе языковых средств согласно целям и главной функции какого-либо текста. Ср.: [Латышев, Семенов, 2003: 57; Рыбин, 2007: 49; Топер, 2000: 177].

Два вида эквивалентности исследовал Ю. Найда, он выделял *формальную* и *динамическую* эквивалентность.

Согласно его классификации, динамическая эквивалентность «ориентирована на реакцию Рецептора». Чтобы достичь динамической эквивалентности, переводчик должен стремиться добиться того же коммуникативного эффекта, что и оригинал. Этот термин можно определить по следующей формуле: перевод должен быть сделан таким образом, как если бы книга была написана самим автором, но на другом языке.

Второй тип эквивалентности – формальное соответствие – противопоставлен первому, формальная эквивалентность, или соответствие, «механически воспроизводит признаки формы исходного текста в языке-рецепторе. При этом, при соблюдении только лишь формальной эквивалентности искажают грамматику и стилистику текста на языке перевода, что приводит к неверному истолкованию Рецептором смысла текста, а значит, к несоблюдению динамической эквивалентности [Leonardi 2000; Nida, Taber, 1982: 12–13, 200–201].

Необходимо отметить, что Ю. Найда позднее отказался от термина «динамическая эквивалентность» в пользу функциональной эквивалентности, что ещё больше сблизило данное понятие с тем, которое мы наблюдали у А.Д. Швейцера – оба они говорят о равном коммуникативном эффекте, вызванном у читателя, в ответ на прочтение текста-оригинала и перевода [Чеснокова, 2003: 109; Waard, Nida 1986: 7, 36].

В.Н. Комиссаров критически рассматривает теоретические предпосылки Ю. Найды и Ч. Табера. Хотя он считает плодотворным исследование проблемы воздействия перевода на читателя, выбор терминов кажется ему не вполне удачным. Формальная эквивалентность становится у Ю. Найды простым копированием формы оригинала, что противоречит самому понятию эквивалентности, поскольку при таком копировании не учитывается семантический план текста, а если же, при формальной эквивалентности учитывается смысл текста, тогда она перестаёт быть формальной. Следовательно, В.Н. Комиссаров предлагает называть такую эквивалентность «лингвистической», так как она ограничена возможностями

языка. Динамическую эквивалентность он относит к прагматическим задачам, потому что она не может рассматриваться как «присущая переводу» [Комиссаров, 1978: 11–12].

Некоторые придерживаются считают эквивалентность пустым понятием, поскольку перевод зачастую определяется посредством эквивалентности, а эквивалентность посредством перевода. Следовательно, можно обойтись и без этого понятия, а вместо него изучать отношения между ИТ и ПТ [Казакова, 2002: 153; Chesterman, 1997: 10; Toury, 1995: 86].

В нашей работе мы будем придерживаться определения эквивалентности по С.Г. Бархударову, так как в его определении учитывается план значения, а план выражения не входит в рамки понятия эквивалентности. Также коммуникативный эффект, производимый на читателя, мы будем рассматривать в пределах понятия адекватности перевода. Про адекватность перевода А.В. Федоров писал: «Это исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему» [Федоров, 1983: 54]. Однако данное понимание термина адекватности попадает под значение эквивалентности перевода.

И. Вехмас-Лехто под адекватным переводом понимает такой, который «соответствует не только с системой и правилами переводного языка, но и с узусом соответствующего (или ближайшего) функционального стиля ПТ, представленного в ИТ» [Vehmas-Lehto, 1989: 40]. Адекватный перевод призван производить коммуникативный и эстетический эффект на читателя, который будет соответствовать тому эффекту, который производит оригинальный текст. И. Вехмас-Лехто при переводческой деятельности рекомендует ориентироваться в большей степени именно на адекватность перевода, а не на его эквивалентность, поскольку без адекватности, то есть правильного выбора языковых средств, нельзя достичь и эквивалентности [Там же: 32]. Эквивалентность понимается И. Вехмас-Лехто как отношение перевода к оригиналу, ПТ должен иметь то же значение, что и ИТ.

Эквивалентность, таким образом, связана с семантическими и стилистическими особенностями исходного текста, которые могут быть переданы в переводе.

При выборе переводческих стратегий и тактик для достижения эквивалентности и адекватности перевода необходимо выделять *единицу перевода*. Для обретения статуса самостоятельной научной дисциплины, в теории перевода необходимо выделить единицы перевода, то есть «отдельные элементы, составляющие единый переводческий процесс» [Гарбовский, 2007: 248]. Термин «единица перевода» впервые был использован канадскими лингвистами Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, они понимали её как неделимый при переводе отрезок высказывания [Витренко, 2006: 57]. Учёные смотрят на вопрос о единице перевода по-разному: от слова до законченного текста и вплоть до отрицания существования единицы перевода.

Нам представляется убедительной позиция А.Г. Витренко и Н.К. Гарбовского, которые, хотя и принадлежат к разным школам теории перевода, сходятся во мнении о единице перевода как семантическом образовании. А.Г. Витренко пишет: «Лишь отдельные теоретики перевода – их, к сожалению, меньшинство – приходят к пониманию того, что единица перевода – это единица смысла» [Там же: 60]. Как утверждает А.Г. Витренко, сема, или единица смысла, может заключаться в слове, предлоге, имплицатуре, грамматической конструкции, и не всегда она выражена предложением [Там же]. Опираясь на то, что при своей переводческой деятельности переводчик «оперирует смыслами», а текст представляется системой смыслов, Н.К. Гарбовский за единицу перевода принимает единицу смысла («некий квант информации»). При этом, он говорит, что переводчик всегда совершает процесс перевода последовательно, двигаясь от единицы к единице, от смысла к смыслу [Гарбовский, 2007: 260]. Таким образом, представляется возможным принять следующее определение: «Единица перевода – это минимальная языковая единица текста оригинала,

воспринимаемая как единое целое с точки зрения семантики» [Рыбин, 2007: 89].

Парадоксально, что понятия эквивалентности и адекватности акцентируют внимание на сходствах ИТ и ПТ, на том, что в них есть одинакового. При этом сам факт вариативности перевода ускользает от большинства трактовок и определений этих двух понятий. Как справедливо отмечает Е.В. Гарусова, «лингвистическая теория перевода не дает достаточно объективных объяснений вариативности перевода, так как в ее рамках перевод рассматривался как замена одного текста другим, а путь к этому лежит через замену фрагментов текста на одном языке соответствующими фрагментами текста на другом языке. Подбор точных эквивалентов перевода текста оригинала считался залогом успешного перевода» [Гарусова, 2007: 65]. Следовательно, идея адекватности и/или эквивалентности ИТ и ПТ не должна пониматься в том ключе, будто существует только один возможный «правильный» вариант перевода. Переводческая практика и особенно дидактика показывает, что несколько вариантов перевода, несмотря на их отличия, вполне могут быть эквивалентны оригиналу.

1.1.3. Переводческие трансформации как переводоведческое понятие

Раздел переводческих трансформаций приближает нас к методологии перевода. Одним из способов научного описания перевода является поиск и классификация переводческих трансформаций. Поскольку процесс переводческой деятельности непосредственно не доступен для исследования, принято изучать продукт данной деятельности при помощи построения различных моделей перевода. Модель перевода призвана условно описать, как и почему переводчик выбирает то или иное средство языка для выражения смысла оригинала. При помощи построения теоретических

моделей, переводоведение имеет возможность отследить закономерности, лежащие в основе действий переводчика, его стратегий и тактик, которыми он, подчас, неосознанно руководствуется в процессе перевода. Под трансформациями принято понимать межъязыковые преобразования [Гарбовский, 2007: 358] или преобразования, помогающие совершить «переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров, 1990: 158]. Трансформации при переводе призваны помочь переводчику с помощью других средств ПЯ, отличающихся от ИЯ, добиться эквивалентности в плане содержания, изменив при этом форму выражения, но не нарушив узус ПЯ, а значит, сохранив адекватность перевода.

С.Г. Бархударов выделяет четыре элементарных типа трансформаций:

- 1) Перестановки;
- 2) Замены;
- 3) Добавления;
- 4) Опускания [Бархударов, 1975: 190].

Перестановка заключается в изменении порядка следования языковых элементов, которыми могут быть слова, словосочетания, части сложного предложения, предложения.

Замены – самый распространённый вид трансформации, и делится он на две больших группы: лексические и грамматические. Грамматической замене могут подвергаться:

а) Формы слова; б) Части речи; в) Члены предложения; г) Части сложного предложения:

- простое предложение сложным;
- сложное предложение простым;
- главное предложение придаточным и наоборот;
- подчинение заменяется сочинением;
- союзная связь – бессоюзной.

Среди лексических преобразований (лексических замен) выделяют три типа:

- Конкретизация;
- Генерализация;
- Замена следствия причиной и наоборот.

Кроме того, более редко встречаются два дополнительных типа замен: антонимический перевод, который относится к лексико-грамматическим заменам и компенсация (семантическая замена).

Следующим видом трансформаций является добавление. Оно продиктовано опущением либо «формальной невыраженностью» семантических компонентов в тексте на языке оригинала.

Прямой противоположностью добавления будет опущение, при котором опускаются языковые единицы, порождающие смысловую избыточность единицы перевода [Бархударов, 1975: 191–230].

Редко можно встретить в тексте какую-либо из трансформаций «в чистом виде». Чаще всего, они взаимодействуют между собой и принимают характер комплексных преобразований.

Другую классификацию предлагает Л.К. Латышев. На наш взгляд данная классификация обладает неоспоримым преимуществом перед остальными тем, что она является несколько обобщенной и основана на уровнях языка. Ниже представлена классификация переводческих трансформаций Л.К. Латышева [Латышев, 2000: 252–263]:

- 1) Лексические;
- 2) Категориально-морфологические;
- 3) Синтаксические;
- 4) Глубинные.

Лексические трансформации совершаются с целью достижения большей адекватности при переводе. При лексических преобразованиях, переводчик подбирает не словарный эквивалент для языковой единицы, а контекстуальный эквивалент, подходящий только для данного конкретного текста и ситуации.

Категориально-морфологические трансформации происходят на уровне частей речи.

Синтаксические преобразования затрагивают проблему асимметрии двух языковых кодов, а именно, синтаксической асимметрии, вследствие которой одна синтаксическая конструкция заменяется другой.

Коренные изменения в тексте происходят при использовании переводчиком глубинных трансформаций, которые изменяют «схему мысли». При глубинных трансформациях меняется набор признаков и деталей, которые используются для описания ситуации.

Кроме четырех основных, основанных на уровневой структуре языка, Л.К. Латышев выделяет так называемые «специфические» трансформации: антонимический перевод, адекватная замена, конверсия, деидиоматизация, идиоматизация, экспликация.

Так, например, В.Е. Щетинкин выделяет следующие разновидности переводческих

трансформаций: лексические, стилистические, грамматические [Щетинкин, 1987: 40–53]. Р.К. Миньяр-Белоручев пишет про другие три вида трансформаций: лексические, грамматические, семантические [Миньяр-Белоручев, 1996: 167, 169].

В заключение, необходимо добавить, что во всех классификациях неизменно присутствуют грамматический и лексический тип трансформаций, к которым некоторые авторы добавляют в большинстве случаев синтаксический или семантический тип.

1.2. Гендерная лингвистика: объект, предмет, метод

В последние годы в лингвистической науке наметился рост интереса к гендерным исследованиям. Работы по гендерной лингвистике проводятся в рамках междисциплинарных исследований и часто связаны с социологией, психологией и другими гуманитарными науками. Для гендерной

лингвистики характерен количественный сбор данных. Однако несмотря на бурное развитие данного научного направления, оно не всегда вызывает доверие, поскольку достаточно молодое и иногда несет на себе идеологический оттенок (феминистская лингвистика как раздел гендерной лингвистики) [Кирилина, 2005: 17]. В словаре мы находим следующее определение гендерной лингвистики: «Раздел языкознания, в котором исследуются письменное и устное поведение представителей мужского и женского пола, их стратегии и тактики общения» [Азимов, Щукин 2009: 76]. Словарь гендерных терминов под редакцией А.А. Денисовой перенаправляет с термина гендерная лингвистика на лингвистическую гендерологию, поэтому на данный момент в отечественной науке используются два синонимичных понятия [Денисова, 2002: 34]. Однако по нашим наблюдениям последний термин используется крайне редко.

В рамках нашего исследования мы будем использовать «гендер», которое мы понимаем, как совпадающее с биологическим полом человека. Понятие гендера часто понимается по-разному, в частности, некоторые учёные трактуют его как определенные модели поведения, закрепившиеся в под влиянием социума, культурных традиций и ритуалов, и имеющие основой биологический пол; в то время как другие ученые рассматривают понятие гендера только лишь с психолого-социальных позиций. Такое, например, определение дается специализированным словарем: «Гендер в лингвистике – в настоящее время в лингвистической литературе отсутствует последовательное употребление термина гендер, который вошел в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук - социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс» [Денисова, 2002: 21]. Англоязычный словарь дает точное определение для термина *gender*: «The notion of what it means to be male or female» [Griffin, 2017: 40]. Определяя одно из

ключевых терминов нашего исследования, гендер, мы будем идти вслед за толкованием данным А.В. Кирилиной и М.В. Томской: «Гендер – социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская, 2005: 112]. Другими словами, биологический пол индивида в некоторой степени закладывает основу для его поведенческих и личностных характеристик, которые в ходе инкультурации и социализации приобретают законченный вид. Таким образом, в понятие гендера включены три аспекта: социальный, биологический и культурный. Именно языковые особенности могут выявить подобную многогранную структуру. Понимание социокультурной обусловленности пола во второй половине 20-го века привело к возрастанию интереса к тем сферам человеческой жизнедеятельности, на которые его влияние могло отразиться [Кирилина, Томская, 2005: 113]. В связи с этим многие исследования сосредоточились на изучении языковом выражении гендерных особенностей и заложили основы современной гендерной лингвистики.

В России изучением гендера с лингвистических позиций занимаются такие учёные как А.В. Кирилина, Е.И. Горошко, Н.Л. Пушкарева, И.И. Халеева. Для отечественной лингвистики принятие во внимание социального фактора было неотъемлемым компонентом любого исследования [Там же: 114]. В настоящее время в российском языкознании сформировался свой исследовательский аппарат, научные школы и появились свои актуальные направления для исследований. К примеру, Е.И. Горошко обнаружила обратную корреляцию между наличием высшего образования и выраженностью гендерных различий [Горошко, 1996: 117]. Более того, в ходе нескольких психолингвистических экспериментов была установлено влияние возраста, уровня образования и типа социальной активности на выраженность гендерно специфичных особенностей [Там же: 114–121].

В нашем исследовании мы сосредоточимся на различии мужской и женской письменной речи. Как известно, гендерные различия в речи проявляются уже в детстве, и по мере взросления только увеличиваются [Кирилина, 2005: 187].

Для женской речи считаются характерными такие особенности [Кирилина, 2005: 164]:

- 1) Ограничители;
- 2) Сверхвежливые формы;
- 3) Интонационное ударение, эквивалентное подчеркиванию слов в письменном языке;
- 4) Пустые прилагательные;
- 5) Гиперкорректные грамматические формы;
- 6) Особый лексикон.

При этом, как отмечают Е.И. Горошко и А.В. Кирилина, женская речь гораздо шире изучена, нежели мужская, поскольку мужская речь воспринимается как стандарт, норма, в то время как женская рассматривается как маркированное явление и тем самым привлекает интерес исследователей.

Так, Т.В. Гомон считает, что различия мужской и женской речи выражаются на нескольких уровнях порождения речи [Гомон, 1990: 24]. Автор выделяет комплекс поверхностных и глубинных признаков мужской и женской речи, в то время как первые могут быть легко обнаружены и даже имитированы, вторые не видны явно и так же не могут быть скрыты. К поверхностным признакам он относит те, которые проявляются в «компетентном описании фрагментов действительности, где традиционно главенствуют женщины<...>или мужчины» [Там же: 24]. Так, автор говорит, что тематика текста тесно связана с гендером. Общим же глубинным признаком автор считает «наличие в тексте, составленном от лица женщины (мужчины), характеристик, в большей мере отражающих *психолингвистические* навыки мужской (женской) письменной речи» [Там же: 25].

В настоящее время лингвисты склоняются к тому, что гендерные особенности не проявляются в каждом речевом акте, но только в некоторых, в зависимости от контекста. Это подтверждается исследованиями С.К. Табуровой, которая обнаружила гендерные различия в дискурсе немецких парламентариев [Табурова, 1999].

Гендерная принадлежность влияет не только на выбор коммуникативных стратегий в повседневной жизни, то также может повлиять на выбор стратегий и тактик при переводе. Данные, полученные в ходе гендерных исследований в переводоведении, заметно разнятся от автора к автору, что затрудняет развитие дальнейших исследований. Однако кроме противоречивых данных, работы по гендерной лингвистике сталкиваются со множеством стереотипов, от которых бывает нелегко избавиться даже в рамках научного исследования.

Одним из основных, самых распространенных и наиболее устойчивых гендерных стереотипов является большая эмоциональность и экспрессивность текста женских переводов. Как отмечает И.И. Халеева, большая экспрессивность женских переводов достигается не только на лексическом уровне путем использования лексем с большим выражением эмоциональной окраски, но и на морфологическом и синтаксическом уровнях. На морфологическом уровне для женщин свойственно использование суффиксов превосходной степени, а также уменьшительно-ласкательных суффиксов [Халеева, 1999].

Поскольку в нашем исследовании мы рассматриваем художественные тексты с семантикой жестокости, то и следовать мы будем за работами, в которых исследовался данный жанр. В.О. Полтавская, Л.К. Ланцова обнаружили значительные вариации при переводе малой художественной прозы профессиональными переводчиками, однако они замечают, что различия могут отчасти быть продиктованы не только гендером, но и «личными качествами переводчика и особенностями оригинального текста» [Ланцова, Полтавская, 2016: 346]. Мы добавим к этому, что на выбор

переводческих решений может повлиять также структура конкретного языка. В своей работе они выявили следующие особенности: женский перевод чаще бывает эмоционально окрашен, мужские переводы чаще более короткие, лаконичные и «сухие» [Ланцова, Полтавская, 2016: 342–345].

Исследование Ю.С. Куликовой подтвердило наличие гендерных различий при переводе художественных текстов [Куликова, 2011:9]. Так, было выяснено, что переводчики-женщины сохраняют образность художественного текста, используя средства выразительности, эквивалентные таковым в исходном тексте. Переводчицы используют более эмоционально-насыщенную лексику, в том числе, чаще чем мужчины-переводчики прибегают к диминутивам для выражения личного отношения, в то время как мужчины используют уменьшительно-ласкательные суффиксы лишь для указания размера того или иного предмета [Там же: 23].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Первая глава нашего исследования была посвящена теоретическим основам переводоведения и гендерной лингвистики.

Различные определения перевода позволяют говорить о том, что данный вопрос о сущности перевода все еще остается актуальным и нерешенным. При этом необходимо помнить, что перевод может пониматься в смысле процесса переводческой деятельности и продукта переводческой деятельности. Определение Н.К. Гарбовского, а также ряда других ученых, отражает особую точку зрения данных учёных: они рассматривают перевод в рамках исследований билингвизма, поскольку видят в переводе особый отдельный вид билингвизма. Именно таких теоретических взглядов на сущность перевода мы и будем придерживаться в дальнейшем.

В дальнейшей работе мы будем опираться на определение перевода, данное Л.С. Бархударовым, в рамках которого перевод понимается как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения. Значение текста в данной трактовке понимается максимально широко, включая стилистические, прагматические и др. компоненты языковых знаков. Семантическое тождество текста оригинала и текста перевода есть, таким образом, также их стилистическое и прагматическое тождество, причем тождество не абсолютное, а относительное. Эта относительность зависит от множества факторов, влияние одного из них и находится в фокусе нашего исследования.

Как было сказано выше, в концепции А.Д. Швейцера, понятие «эквивалентность перевода» связано с коммуникативной установкой. Задача переводчика – достичь такого же коммуникативного эффекта у читателя, который потенциально достигается оригинальным текстом. Именно с такой трактовкой эквивалентности коррелирует выбранное нами определение перевода. Такое содержание этого понятия продиктовано наличием

функциональной роли при совершении переводческой деятельности, поэтому в теории А.Д. Швейцера говорится именно о функциональной эквивалентности. В отличие, скажем, от юридического или технического перевода в художественном переводе ориентация идет не столько на букву текста, сколько на систему художественных образов, а языковые средства подчинены этим последним. А именно художественный текст будет интересовать нас в практической части исследования.

Исследования, проводимые в рамках гендерной лингвистики, позволяют говорить нам о существенных особенностях и различиях женской и мужской речи. Это не может не сказываться на переводе, производимом мужчинами и женщинами. Хотя переводчик всегда стремится к тому, чтобы не привнести в ПТ ничего «лишнего», а передать лишь тот смысл и то значение, которые были заложены в него автором, всё же некоторая гендерная специфика всегда проявляется в созданном переводчиком тексте. На этом основании мы полагаем, что переводы текстов с тематикой жестокости, выполненные переводчиками-женщинами и переводчиками-мужчинами будут иметь свои отличительные особенности, которые позволят говорить о различиях в интерпретации смысла подобного текста, а также, о различиях в выборе языковых средств на ПЯ и переводческих тактик.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С СЕМАНТИКОЙ ЖЕСТОКОСТИ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ

Наше исследование проводится на материале художественных текстов с семантикой жестокости. Другими словами, в экспериментальном отрывке текста присутствуют описания сцен насилия, насильственных действий, а также агрессии. Данная тематика обоснована множеством исследований о влиянии текстов, рекламы, видеоигр, фильмов, изображающих насилие, на поведение, эмоциональное состояние и восприятие испытуемых [Сергеева, Сидорова, 2016; Зубакин, 2016; Кожевников, Лобанова, Саладовникова, 2012; Давыдов, Лысенко, 2011].

Экспериментально доказано, что мужчины и женщины по-разному реагируют на эмоциональные раздражители, женщины часто обладают более развитым уровнем эмпатии и лучше распознают эмоции [Schulte-Ruetheretal., 2008]. Гендерные различия в восприятии сцен жестокости были подтверждены на разном исследовательском материале (фильмы, реклама, тексты). Семантическая оценка испытуемыми художественных фильмов со сценами насилия доказывает, что фильмы с подобными сценами оцениваются более негативно, чем фильмы без таковых [Зубакин, Дорфман, 2012: 20–26]. Согласно выводам М.В. Зубакина и Л.Я. Дорфмана, восприятие сцен насилия связано с категориальной перестройкой сознания и влияет на индивидуальное семантическое пространство, выражающееся в негативной эмоциональной оценке и изменении энергодинамических показателей [Там же: 27–28]. Женщины оказались более чувствительными к тексту с выраженной семантикой агрессии, при этом, бóльшая аффективная вовлеченность у женщин наблюдается уже на стадии восприятия текста [Давыдов, Лысенко, 2012: 33]

В качестве задания для эксперимента нами был составлен текст на основе художественных произведений французских авторов.

Законченный текст на французском языке с заголовком «Confession», объемом 600 слов. Участниками эксперимента были студенты 3 и 4 курса Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, 16 мужчин и 16 женщин.

Название текста «Confession» было представлено в переводах двумя способами: признание и исповедь. При этом, второе преобладало как в группе женщин (*Признание* (6); *Исповедь* (10)), так и мужчин (*Признание* (2); *Исповедь* (8)). В толковом французском словаре данная лексема трактуется таким образом (соответственно первое и второе значение): 1) *Aveudesespéchés à un prêtre catholique, pour en obtenir l'absolution.* 2) *Action de confier, d'avouer à quelqu'un les fautes, les erreurs qu'on a à se reprocher.* В двуязычных словарях так же первое значение отводится переводу исповедь, а затем уже слову признание (которое иногда относят к специализированной юридической лексике).

В ходе анализа текста были выделены 19 единиц перевода, которые описывают жестокие и/или насильственные действия и 2 дополнительные единицы. Начнем анализ с переводов, выполненных женщинами.

2.1. Анализ переводов, выполненных женщинами

Первая рассматриваемая нами единица анализа переведена различными способами:

1a) *j'aurais voulu lui enlever ses joues avec un rasoir*

- *мне хотелось срезать бритвой его щёчки;*
- *по чьим щекам я хотел провести лезвием;*
- *мне хотелось взять бритву и снять с них кожу (2);*
- *хотел бы я искромсать его розовые щеки бритвой.*

Всего использованы следующие лексемы: *искромсать*, *срезать* (3), *отрезать*, *снять [кожу]* (2), *снять [щёчки бритвой]*, *избавить*, *содрать* (2), *вскрыть*, *убрать*, *располосовать*, *разрезать*, *забрать*, *провести*. Как видно,

почти везде употребляется глагол с более конкретным значением, что обусловлено, на наш взгляд, сочетаемостью слов в русском языке, не позволяющей использовать в данном контексте прямой эквивалент глагола *enlever*. Лексемы *забрать*, *снять* (3), *убрать*, *избавить* – всего 6 переводов – сохраняют семантику оригинала. Но, поскольку, в данном контексте семантика этих лексем конфликтует с грамматикой русского языка, при переводе могут быть выбраны контекстуальные эквиваленты с семантикой отличной от оригинала. В переводах *срезать* (2), *разрезать*, *содрать* (2), *располосовать*, *искромсать*, *вскрыть*, *отрезать* наблюдается усиление оригинальной семантики (всего 9 переводов). В то время как выбранный переводчиком эквивалент *провести*, наоборот, “смягчает” семантику жестокости, делая её менее выразительной. Итак, лексема *снять* или *избавить* используется для сохранения семантики оригинала, но она вступает в конфликт с нормами русского языка, поэтому приходится усиливать оригинальную семантику и писать *срезать*, а то и *исполосовать*. Забегая вперед укажем, что для женщин это не более характерно, чем для мужчин. Лексемы типа *рассёк*, *распорол*, *разрезал* соответствуют оригиналу. Наблюдается только несколько случаев «смягчения» семантики жестокости через лексему *провёл*.

Несколько иная тенденция проявляется в переводах следующего высказывания:

2a) *jemesuisfenduleschairsauxendroitsoù seréunissentleslèvres:*

- *провел им по уголкам губ* (3);
- *разрезал плоть в месте, где соприкасаются губы;*
- *вонзил его туда, где смыкаются губы;*
- *распорол плоть уголков губ.*

Всего использованы следующие лексемы: *распороть*, *рассечь* (6), *разрезать* (3), *исколоть*, *вонзить*, *провести* (4). Семантика глагола *se fendre* ‘раскалываться, рассекать’ сохраняется в 7 переводах *распорол*, *рассек* (6). В то время как в 5 случаях переводчики выбирают эквивалент с более

конкретной семантикой, подходящей именно для данного контекста: *разрезал* (3), *исколочил, вонзил*. В переводах типа *провел* (4) применяется лексическое обобщение с использованием глагола с более абстрактной семантикой, из-за чего действие теряет характер жестокости даже с учетом контекста.

Тенденция к сохранению жестокости ИТ остается при переводе единицы

3а) *cetteboucheteurtrieparmaproprevolonté*:

- *обезображенный рот, что разорвал я;*
- *рот рассечен по собственной воле;*
- *собственными руками разрезал свой рот;*
- *изуродованный по моей собственной воле рот;*
- *вместо улыбающегося мужчины отражался лишь человек с изувеченным лицом.*

Всего испытуемыми было выбрано несколько стратегий перевода фрагмента с описанием жестокости, выраженных следующими лексемами: *изуродованный* (5), *изувеченный* (2), *истерзанный, разбитый, разбить, покалеченный, разрезать, рассеченный, обезображенный*. В двух переводах из 16 семантика жестокости не выявляется: *я посмотрел в зеркало и ужаснулся; я посмотрел в зеркало и, увидев кровавые полосы*, - поскольку в ПТ не упоминаются увечья и их происхождение. Кроме того, в трех переводах вместо прилагательного, действие описывается с помощью глагола активного действия, однако ввиду подобной грамматической замены в переводческой единице отсутствует негативное коннотативное значение результата действия (наличие увечий): *рот, который разбил сам себе; рот рассечен по собственной воле; собственными руками разрезал свой рот*. Также в переводе *увидел разбитую губу по моему же желанию* отсутствует негативная коннотация у прилагательного *разбитую*. В то время как в 10 переводах применяются такие лексемы, как *изуродованный* (5), *изувеченный* (2), *истерзанный, покалеченный, обезображенный*, несущие

явную негативную коннотацию и усиливающие маркированность фразы семантикой жестокости. Лексические трансформации конкретизации и генерализации для перевода существительного *bouche* были использованы в переводах *увидел разбитую губу и человек с изувеченным лицом*, соответственно. Лексемы типа *изуродованный, истерзанный, обезображенный* соответствуют семантике оригинала. В двух случаях переводчики прибегли к замене части речи, прилагательное было заменено глаголом *разбить* и *разрезать*, произвести которую можно было благодаря контексту. Можно предположить, что необходимость в замене была вызвана грамматической несочетаемостью прилагательного с последующими словами. Однако во всех переводах сохраняется семантика жестокости, за исключением одного, где данная единица была опущена.

Все переводы следующей интересующей нас единицы выполнены с сохранением компонента жестокости:

4a) *lesangquicoulaitavecabondancedesdeuxblessures*

- *лицо было настолько окровавлено;*
- *кровь, которая обильно стекала из ран;*
- *кровь, обильно сочившаяся с двух порезов.*

Испытуемые переводили данную единицу с использованием лексем: *сочиться* (5), *стекать* (3), *течь* (2), *вытекать* (2), *литься* (2). В переводах с лексемами *стекать, литься* и *течь* + обстоятельство, выраженное наречием или существительным со значением «большое количество» (*обильно, без остановки, с избытком*) сохранена семантика оригинала. Таких переводов – 10. Особенно интересными представляется вариант «*текла ручьем*». В двух переводах было опущено количественное обстоятельство, а глагол был переведен лексической единицей с более узкой семантикой «*сочиться*». Варианты перевода *сочившаяся, словно сок из переспелой вишни; обильно сочившаяся; сочившаяся с преобладанием* несут в себе более конкретную семантику. Замена обстоятельства определением в переводе *вытекавшая из обеих крупных ран. Лицо было настолько окровавлено* – глагол активного

действия заменен глаголом состояния + отглагольное прилагательное. В переводах *кровь, которая текла ручьем из двух ран; кровь, сочившаяся из ран, словно сок из переспелой вишни* испытуемые использовали дополнительные средства выразительности и лексическую трансформацию смыслового развития. Двое испытуемых использовали приём конкретизации при описании полученных рассказчиком увечий, осуществить который можно было лишь с опорой на контекст (раны были нанесены бритвой): *струящаяся без остановки кровь из обоих порезов; кровь, обильно сочившаяся с двух порезов*. Подобная трансформация в данном контексте приводит к смягчению семантики жестокости. Можно заключить, что для переводов данной единицы характерно сохранение семантики жестокости присущей ИТ, однако объем данной семантики в полученных переводах варьируется.

Единица перевода (5a) *j'aimémeassassiné unpassant*, по-видимому, не вызвала особых трудностей у испытуемых:

- *я даже убил прохожего (7);*
- *я даже убил одного прохожего (3);*
- *мне даже пришлось убить прохожего.*

В 15 случаях перевод выполнен с помощью лексемы *убить* с сохранением семантики оригинала и объема содержания лексемы. Два перевода содержат кроме глагола *убить* лексему *приходиться*, которая добавляет переводческой единице семантику вынужденности действия, которой нет в ИТ:

- *сне даже пришлось убить и сбросить в забытый миром колодец прохожего, который, к своему несчастью, узрел мою кровавую улыбку.*
- *одному прохожему (не так давно) удалось увидеть мою кровавую улыбку. Конечно, мне пришлось убить его и спрятать труп в заброшенный колодец, где его никто и никогда не найдет.*

Стоит отметить, что добавленная модальность несколько противоречит семантике исходного глагола *assasiner* – *commettre un homicide avec préméditation* (совершить преднамеренное убийство). Более того, в одном переводе эквивалент глагола *assasiner* был опущен, а значение «убить» выражено косвенно при помощи описания результата действия:

- *Одному прохожему не посчастливилось застать меня в таком виде. Конечно, он сам был виноват в том, что его безжизненное тело оказалось на дне колодца, где его никто никогда не найдет.*

Значение сходной лексемы включает аспект преднамеренности убийства, тогда как глагол убить не соответствует данному значению в полной мере. Следовательно, если позволяют нормы русского языка и в оригинале используется глагол с общей семантикой, переводчик также выбирает глагол с общей семантикой.

Далее рассмотрим единицу

ба) *j'ai jeté son cadavre*:

- *я сбросил его труп;*
- *его труп я бросил;*
- *я выбросил его тело;*
- *я оставил его холодное тело.*

В 13 переводах сохраняется семантика ИТ, выраженная лексемами *бросать* (5), *выбрасывать* (5), *сбрасывать* (2), *скидывать*. Это явно обусловлено более широкой семантикой глагола *jeter* в сравнении с его русскими эквивалентами, что позволяет использовать любой из них, если контекст не накладывает дополнительных ограничений. Дважды исходный глагол переводился сочетанием *пришлось убить и спрятать/сбросить*, из-за чего в ПТ добавляется семантика вынужденности действия, отсутствующая в оригинале. Переводы *оставил* и *спрятал*, представляют собой приёмы генерализации и конкретизации соответственно, не передающие жестокость совершенного действия. В переводе *его безжизненное тело оказалось на дне*

колoduца активное действие заменено пассивной конструкцией, что не передает информации о субъекте действия. Кроме того, одноязычные толковые словари однозначно определяют лексему *cadavre* как «тело, лишенное жизни». Однако в некоторых переводах испытуемых отсутствовал компонент значения «лишенный жизни» или был заменен эпитетом: *труп* (9), *тело* (3), *прохожий*, *холодно тело*, *мертво тело*, *безжизненно тело*. Можно предположить, что различия в переводах были вызваны негативной коннотацией слова *труп*, а также необходимостью стилового соответствия (художественный текст) ИТ и ПТ.

Различные интерпретации получила единица

7a) *je t'apprends à rectifié quelqu'un et s'en tirer à bon compte:*

- *я научу тебя убивать так, чтобы не попасться;*
- *внимай, ведь я учу тебя, как избежать наказания;*
- *теперь, мой друг, я дам тебе пару советов как правильно потрошить труп, не оставив никаких следов преступления;*
- *я учу тебя тому, как можно расправиться с любым человеком и избежать наказания. Слушай внимательно и запоминай.*

Исходный глагол *rectifier* был переведен при помощи следующих лексем: *убить* (5), *расправиться* (2), *прикончить*, *потрошить* (2), *менять свои тактики*, *убрать все следы*, *купаться в море крови*, *избавляться [от тела]*. Семантика глагола *убить* (5) не передает стилистику и полноту содержания оригинального глагола. Лексемы *расправиться* (2), *прикончить*, *потрошить* (2) и устойчивый оборот *купаться в крови* придают акцент жестокости действия при помощи приема конкретизации, а также, разговорного и книжного стилей, соответственно. Глагол *избавиться* не несет в себе семантику жестокости, а только приобретает ее в данном контексте. *Купаться в море крови* – увеличивает семантику жестокости и выразительность, переводчик добавляет устойчивое выражение. В четырех переводах была утеряна значительная часть семантики переводческой единицы, поскольку значение *убийства* не было выражено:

- *я научу тебя, как убрать все следы и уйти от наказания;*
- *как видите, я вас учу, как нужно менять свои тактики и при этом остаться безнаказанным;*
- *внимай, ведь я учу тебя, как избежать наказания;*
- *я могу научить вас избегать наказания за ваши деяния.*

Таким образом, можно заключить, что испытуемые имели тенденцию избегать перевода с лексемы разговорного стиля с семантикой жестокости (4), либо заменять её более нейтральной языковой единицей (6). Можно предположить, что это было вызвано невозможностью достижения грамматической сочетаемости в данном контексте. Тогда как шесть испытуемых сохранили компонент значения, выражающий жестокость действия.

Помимо этого, необходимо обратить внимание на перевод устойчивого выражения *s'entirer à boncompte: остатьсябезнаказанным* (3); *выходитьсухимизводы* (2); *сойти срук; избежатьнаказания* (6); *непопасться; уйтиотнаказания; неоставивследовпреступления; оставатьсянезамеченным*. Использование таких фразеологизмов как *выходить сухим из воды, сошло с рук* увеличивает эмоциональную выразительность перевода. Переводы *избежатьнаказания* (6); *непопасться; уйтиотнаказания; неоставивследовпреступления; оставатьсянезамеченным* хотя и не содержат устойчивых выражений, сохраняют смысл исходной единицы.

Переводы единицы (8a) *pendantquetudéchirerasseschairspalpitantes* в целом выполнены в единообразной манере с использованием лексем *разрывать* (8), *разрезать* (2), *раздирать, обципывать, насыщаться, резать, терзать, рвать*:

- *пока будешь разрывать ее пульсирующее тело;*
- *пока будешь раздирать ее пульсирующую плоть;*
- *медленно начинай резать пульсирующую плоть на кусочки;*
- *когда будешь рвать его пульсирующую плоть;*

- *вырвите глаза, разрывая пульсирующую плоть.*

Семантику оригинала передают лексемы *разрывать, рвать, терзать, резать [на кусочки], разрезать, раздирать* – всего 14 случаев. Прием конкретизации используется в переводах в виде лексем *разрезать* и *резать* (всего 3), которые, тем не менее, несут в себе семантику жестокости. Лексическая замена производится в переводах *прежде чем насытиться пульсирующей плотью* и *пока ты общипываешь его ещё пульсирующие перья*, где, отсутствует компонент жестокости. Можно заключить, что большинство испытуемых (14) сохраняют выразительную семантику жестокости в ПТ.

Следующая единица анализа получила разные переводческие интерпретации:

9a) *entends de longues heures ses cris sublimes, semblables aux râles perçants des blessés agonisants*

- *выжди часы на пролет возвышенные крики, похожие на пронзительный хрип от мучительных ранений;*
- *пока будешь слушать усиливающиеся крики, так похожие на пронзительные стоны мучительно раненых;*
- *приготовься насладиться её пронзительными криками, напоминающими стоны бьющихся в агонии;*
- *слышишь её протяжные, отчаянные крики, пронзительные, как стоны мучающихся в агонии.*

Лексические замены *наслаждайся* (2) усиливают семантику жестокости. Большинство переводов (10) содержит лексическую замену слова *sublimes* ('возвышенный', 'величественный', 'прекрасный'), оно переводится в согласовании с контекстом как *пронзительный* (5), *громкий, протяжные и отчаянные, усиливающийся, протяженные и оглушающие, нечеловеческие*. Подобное преобразование можно было произвести только в согласовании с контекстом. Однако некоторые испытуемые выбрали словарный эквивалент: *возвышенный* (3), *божественный* (2), *ликующий*. В данном контексте словарный эквивалент не полностью отражает семантику

высказывания, поскольку теряется семантика жестокости, снижается её интенсивность: *и часами слушать возвышенные крики, похожие на хрипы, прорывающиеся из смертельно раненых; в течение нескольких часов вы услышите её ликующие крики, похожие на пронзительные стоны умирающих; слушай ее божественные крики, напоминающие пронзительные стоны смертельно раненых.* Все переводы мы можем разделить на три смысловые группы, в зависимости от интерпретации прилагательного *sublimes*: 1) переводы характеризуют звук (*пронзительный* (5), *громкий*) – всего 9; 2) эквиваленты включают положительный коннотативный компонент (*возвышенный* (3), *божественный* (2)) – всего 6; 3) переводы с использованием лексем тематической группы ‘жестокость/страдание’ (*отчаянный*) – всего 1. В трех переводах испытуемые используют лексическое добавление наслаждаться (*наслаждайся его пронзительными криками*), подобная переводческая трансформация усиливает семантику жестокости данного отрывка. Перевод данной единицы вызвал сложности у испытуемых из-за обилия описаний, сравнения, эпитетов и синонимичных пар слов. Однако все переводы, в той или иной степени, содержат семантику жестокости, хотя и выраженную в разной степени.

Все 16 переводов следующей единицы сохраняют семантику жестокости:

10a) *enfoncelesongleslongsdanssapoitrinemolle*

- *погрузите крюки в его дряблую грудь;*
- *вонзи свои длинные ногти;*
- *воткни длинные ногти;*
- *впейтесь в мягкую грудь длинными когтями.*

Однако некоторые переводчики выбирают тактику уменьшения, а другие – увеличения её «количества». Так, для выразительности семантики жестокости 10 испытуемых используют *вонзить* (7), *воткнуть* (2), *впиться*. Семантика жестокости становится менее выразительной в 6 переводах: *вцепиться* (3), *погрузить* (2), *засунуть*.

Далее рассмотрим результаты перевода единицы

11a) *de façon qu'il ne meure pas; car, s'il mourait, on n'aurait pas plus tard l'aspect des esmises:*

- *да так чтобы он не умер, ведь если он умрет, то не получится увидеть его страдания, которые последуют затем;*
- *так, чтобы она не умерла; ведь если бы она умерла, она бы перестала страдать;*
- *так, чтобы она не умерла, иначе больше нельзя будет наслаждаться её страданиями.*

Перевод данной единицы выполняется двумя главными способами: для первого характерен перевод с помощью лексемы *наслаждение* (6), для второго – с помощью лексемы *видеть* или *наблюдать* или опущением данного значения (8). В то время как, в ИТ отсутствуют действия напрямую описывающие жестокие действия, в нескольких ПТ можно наблюдать прямое выражение жестокости. Несмотря на то, что семантика наслаждения страданием не выражена в оригинальном тексте эксплицитно, она содержится в нём имплицитно. Для женщин-переводчиков в равной степени характерно как сохранение подобной структуры текста, так и экспликация подтекстовой информации. Так, привнесение смыслового компонента жестокости характерно для следующих 6 переводов: *ты не насладишься её страданием; только ее страдания подарят тебе истинное наслаждение; Какой в этом толк, если нельзя наслаждаться людскими страданиями?; ты не сможешь насладиться как можно дольше ее страданиями; В ином случае, какой во всем этот толк, если не в наслаждении его страданиями?; нельзя будет наслаждаться её страданиями.* Таким образом, описание наслаждения страданием, отсутствовавшее в ИТ, усиливает семантику жестокости по сравнению с исходным отрывком текста. Отдельно следует рассмотреть два перевода, в которых говорится о “ничтожности” жертвы, а семантика страдания не упоминается: *так, чтобы она не умерла, ибо, если*

она умрёт, позже на трупе не будут видны признаки его ничтожества; так, чтобы он не умер; ведь если бы он умер, то у нас бы больше не осталось всей его ничтожности.

Рассмотрим следующую единицу перевода

12a) *je me jète sur le corps de la jeune fille:*

- *бросаюсь на тело молодой девушки;*
- *накинулся на молодое тело;*
- *овладевая телом этой девушки;*
- *набросился на тело девочки;*
- *набросился на тело девчушки.*

подавляющее большинство переводчиков использовали лексему эквивалентную исходной: *бросаться* (8), *набрасываться* (5), *накинуться* (2), – всего 15 испытуемых. Один перевод включает прием семантического добавления – *овладевать*, произвести который можно было благодаря контексту. Поскольку контекст не накладывает дополнительных ограничений, в ПТ, также, как и в ИТ, используются лексемы с общей семантикой.

Различными способами была переведена единица

13a) *violer la virginité de cette enfant délicate:*

- *лишаю девственности этого нежного и беззащитного ребенка;*
- *предался чудовищному осквернению невинности этого дитя;*
- *с ужасной гримасой получал удовольствие, забирая невинность этого несчастного дитя;*
- *предался чудовищному осквернению невинности этого дитя.*

Глагол *violer* представлен в переводах при помощи лексем: *лишить* (5), *овладеть* (3), *осквернение* (2), *нарушить*, *забрать*, *насилие*, *насиловать*, *надругательство*, *наслаждаться*. Среди полученных переводов данной языковой единицы, шесть обладают выраженной негативной семантикой, усиливающей смысловой компонент жестокости: *осквернение* (2), *нарушить*, *надругательство*, *насиловать*, *насилие*. Тогда как в десяти переводах

используется нейтральная лексика: *овладеть*
девственностью/невинностью (2), *овладеть телом*,
лишить девственности/невинности (5), *наслаждаться невинностью*,
забирать невинность.

Основываясь на толковании исходной лексемы *violer* (*commettre un viol sur la personne de quelqu'un; viol rapport sexuel imposé à une personne sans son consentement*), переводы, несодержащие указания на насилие, «смягчают» семантику жестокости данного отрывка. Только в двух переводах используется лексема насилие или насилловать. Переводы *осквернение* (2), *нарушить*, *надругательство* также передают замысел исходного отрывка, однако для его передачи используются эвфемистические выражения.

Единица (14a) *deson ventredéchiré* была интерпретирована испытуемыми довольно единообразно:

- *из разодранного живота;*
- *из разорванного чрева;*
- *из вспоротого живота;*
- *из разрезанного живота;*
- *из растерзанного живота.*

Лексема *déchiré* представлена в переводах следующими трансформациями: *разорванный* (9), *вспоротый*, *разрезанный*, *растерзанный*, *раненный* (2), *разодранный*, – все они в полном объеме отражают её семантику. Отдельно следует упомянуть один перевод, где данная единица ИТ отсутствует. Тем не менее, большинство испытуемых (15) сохранило семантику жестокости, представленную в ИТ.

Следующая единица была переведена различными способами

15a) *j'aid'abordrésoludelatuer à coupsdecouteau:*

- *решил сначала убить её, вонзив нож в её тело;*
- *сразу же решил убить её ударом ножа;*
- *не придумал ничего лучше, как зарезать бедняжку;*
- *решил заколоть ее* (2);

- *решил зарезать ее (2);*
- *решил ее зарезать (2).*

Все переводы семантически соответствуют оригиналу и имеют одно из следующих значений: убить, убить с помощью колюще-режущего предмета. К примеру, *убить ее ножом, убить ее ударом ножа, решил зарезать ее (2)*. Также, во всех переводах присутствует семантика принятия решения, кроме *я нанес ей ряд смертельных колотых ран* – данный перевод отличается от остальных выбором клишированной специальной (юридической) лексики и выражений, что придает переводу художественного текста меньшую выразительность и эмоциональность. Однако семантика русского глагола *убить* и французского *tuer* не совпадает по выразительности семы жестокости. Так, одноязычный толковый словарь определяет лексему *tuer* как *causer la mort de quelqu'un d'une manière violente* ('вызвать смерть кого-либо насильственным путем'), а *убить* как лишить жизни. Все переводы можно разделить на две группы, исходя из семантики выбранных переводчиками лексем. Так, к первой группе относятся переводы, усиливающие семантику жестокости ИТ (8 переводов): *заколоть (2), зарезать (5), добить*. Восемь переводов можно объединить во вторую группу, так как в них хотя и сохраняется компонент жестокости, он представлен в меньшем количестве: *убить (6); убить, вонзив нож; нанес ей ряд смертельных колотых ран*. В целом, можно сделать вывод, что все переводы данной единицы передают семантику жестокости, выраженную в оригинале.

Переводы единицы (16a) *j'ai coupé les mains de la fille* были выполнены с использованием разных лексем, можно предположить, что это было вызвано, по-видимому, непониманием семантики исходного глагола:

- *я порезал ей руки.*
- *я перерезал ей руки.*
- *я отрезал руки девочки.*
- *я сделал порезы на ее руках.*

Всего были использованы лексемы: *оставить порезы*, [сделать] *порезы*, *порезать* (7), *разрезать*, *отрезать* (5), *перерезать*. Все переводы выполнены с использованием слов из лексико-семантической группы «резать». Большинство испытуемых (10) выбрали более общий эквивалент, значение которого включает в себя поправимый физический ущерб: *порезать* (7), [оставить] *порезы*, [сделать] *порезы*, *разрезать*. Тем не менее, 6 переводчиков интерпретировали исходную лексическую единицу через более конкретный эквивалент, означающий завершенность действия и полное отсечение конечности, *отрезать* (5), *перерезать*. Кроме этого, один перевод содержит трансформацию конкретизации – *отрезал ей ладони*.

Таким образом, все испытуемые сохраняют компонент значения, описывающий жестокие действия, незначительно изменяя переводный эквивалент. В целом, можно заключить, что в проанализированных переводах испытуемые, как правило, выбирают наиболее общий и нейтральный эквивалент, который допускается контекстом.

Рассмотрим теперь единицу

17a) *j'ai tenté de sectionner à l'endroit où se trouvaient les artères, creusant dans:*

- *поэтому я стал истязать руки;*
- *позже я пытался разделить ее на части в тех местах, где находятся артерии, копаясь в;*
- *мне пришлось разрезать артерии, копаясь;*
- *я попытался разрезать место, где находились артерии, поэтому мой нож пронизывал;*
- *затем порезы на руках.*

Переводы данной единицы разнообразны, все их можно разделить на две основные группы. В первую группу входят переводы, где сохраняются обе лексемы активного действия, выраженные в тексте оригинала глаголом *sectionner* и деепричастием *creusant*, а также сохраняется присутствует семантика модальности (в оригинале – *j'ai tenté de*): *я попытался разрезать*

место, где находились артерии, поэтому мой нож пронизывал; я попытался разрезать места, где находились артерии, расковыривая; я пытался разделить ее на части в тех местах, где находятся артерии, копаясь; я стал резать артерии, истязая. Вторая группа включает в себя переводы, где изменяется модальность глагола, изменяется значение основного глагола или опускается деепричастие: *пытался вскрыть ей артерии; я попытался попасть ножом туда, где были артерии, вонзая; мне пришлось разрезать артерии, копаясь.* В третьей группе переводов отсутствует модальность глагола и перевод деепричастия *creusant*: *сделав разрезы в местах расположения артерий; я стал истязать руки; затем порезы на руках.* Стоит отметить, что последний пример практически не передает семантику жестокости, потому что в нем отсутствует субъект действия и само действие, которое выражалось бы предикативной конструкцией. Итого, первая группа включает 6 переводов, вторая – 6, третья – 3. В одном из переводов данная часть ИТ была опущена.

Довольно разнообразны интерпретации получила единица

18a) *s'apprête, sans pâlir, à fouiller le vagin de la malheureuse enfant:*

- *я готов исполосовать влагалище несчастного ребенка;*
- *я готовился, не испытывая ни малейшего дискомфорта, рассмотреть влагалище несчастного ребенка;*
- *с уверенностью опытного хирурга я вонзил орудие в истерзанное лоно несчастной девочки;*
- *я готов без зазрения совести рыться во влагалище этого несчастного ребенка;*
- *постепенно готовлюсь без доли страха обшарить влагалище несчастного ребенка;*
- *приготовился разрезать влагалище несчастной.*

Переводы данной единицы так же можно разделить на три группы, основываясь на многозначности глагола *fouiller*:

1) *исследовать, рассмотреть, обыскивать* – в значении глагола отсутствует семантика жестокости;

2) *рыться (3), копаться, обшаривать (2)* – глаголы, в значение которых входит семантика незначительных повреждений;

3) *исполосовать, разорвать (2), разрезать (2), расковырять, вонзить[орудие]* – глаголы описывающие жестокие или насильственные действия, совершаемые с причинением физического ущерба.

Итого, в первой группе – 3, второй – 6, третьей – 7.

Семантика глаголов второй группы наиболее близка к исходному глаголу *fouiller*, тогда как третья группа имеет выраженный компонент жестокости, эксплицированный при помощи лексем с конкретным значением. Можно заключить, что семь испытуемых выбрали более «жестокие» лексические эквиваленты, чем то, что было продиктовано ИТ.

Единица перевода (19a) *decetrou élargi, jeretiresuccessivementlesorganesintérieurs* интерпретируется испытуемыми в одинаковой манере:

- *через это увеличившееся отверстие, я последовательно удалял внутренние органы;*
- *из этой увеличенной, благодаря мне, дыры я последовательно вынул внутренние органы;*
- *через образовавшееся отверстие мне удалось вытянуть внутренние органы;*
- *делая дыру все больше и больше, один за другим я достаю внутренние органы;*
- *я вонзил орудие в истерзанное лоно несчастной девочки и извлек внутренние органы.*

Всего при переводе исходного глагола *retirer*, испытуемые использовали лексемы: *доставать (7), удалять (3), вынимать (2), вытаскивать (2), извлекать, вытягивать*. Все испытуемые данной группы в

полном объеме передали семантику рассматриваемой единицы исходного текста.

Единица (20a) *mesidéesontamoinsingulières* хотя и не содержит описаний жестоких действий, представляет интерес для исследования из-за различных интерпретаций лексемы *singulier*:

- *мои идеи, по меньшей мере, странны;*
- *мои идеи хотя бы оригинальны;*
- *считаешь меня психом;*
- *мои идеи принадлежат только моему больному разуму;*
- *наверняка ты счел меня сумасшедшим!*

Одноязычный толковый словарь определяет её как «*Quiestunique, particulier, neconcernequ'unseulindividu* » ('что-либо уникальное, особенное, присущее только кому-либо одному') и «*quiattirel'attentionparsoncaractère étonnant, étrange, curieux* » ('который привлекает внимание своим удивительным, странным или интересным характером'). Всего при переводе данной единицы испытуемые использовали следующие лексемы: *уникальный* (3), *сумасшедший* (2), *странный* (2), *оригинальный* (2), *удивительный*, *необычный*, *исключительный*, *псих*, *больнойразум*, *единичный*, *своеобразный*. В четырех переводах (*сумасшедший* (2), *псих*, *больнойразум*) присутствует явная негативная оценка, которая отсутствует в ИТ и в толковании исходной лексемы. В данных переводах испытуемые прибегают к использованию лексической замены, близкой к семантическому искажению исходной информации. Кроме этого, дважды переводчики выбирают лексему *странный*, которая хотя и не несёт явной негативной коннотации, но может включать негативный оценочный аспект «необычный, трудно объяснимый, вызывающий недоумение». Можно предположить, что возникновение оценочных слов с негативной коннотацией вызвано семантикой текста, так как данная единица находится в заключительном абзаце текста.

Единица(21a) *n'est-ilpasvrai, monami, que, jusqu'à uncertainpoint, tasympathieestacquise à maconfession?* также вызывает исследовательский

интерес, поскольку здесь рассказчик обращается напрямую к читателю, что может повлиять на беспристрастность переводчика. Данная единица была переведена следующими способами:

- *мой друг, не правда ли, что ты после моей исповеди ты начнешь мне сострадать?*
- *друг мой, разве это неправда, что в некоторой степени тебе меня жаль?*
- *разве вы не начинаете мне сочувствовать, признавая мои деяния?*
- *не правда ли, мой друг, что мне в какой-то степени, удалось завоевать твою симпатию своим признанием?*
- *не правда ли, мой друг, что до определенной степени ты проникся моей исповедью?*

Лексема *sympathie* получила различные интерпретации: *сочувствие* (5), *сострадать* (2), *жаль, симпатия* (3), *симпатизировать, соглашаться, проникнуться, отклик, сочувствовать*. Согласно словарному толкованию слова *sympathie*, значение ‘симпатия’ входит в семантическое ядро данной лексемы, тогда как значения ‘сочувствие’, ‘сострадание’ относятся к периферийным. Такие переводы как *сочувствие* (5), *сострадать* (2), *жаль, сочувствовать* выражают вторичный компонент значения исходной лексемы, с помощью них переводчики акцентируют внимание на эмоции сопереживания и сожаления, и даже снисходительного сострадания (*тебе меня жаль*). Таким образом, 9 испытуемых, несмотря на сходную внешнюю форму двух лексических единиц *симпатия* и *sympathie*, отдают предпочтение единице, выражающей не эмоциональную расположенность, а участливое отношение к чужим чувствам. Двое испытуемых используют нейтральные слова, не выражающие никакой эмоциональной расположенности: *проникнуться, отклик*. Кроме того, стоит отметить, что исходная конструкция *tasymphathieestacquire à maconfession* в силу грамматических различий между языками в шести случаях переводится по типу *ты*

сострадаешь мне; ты симпатизировал мне. Иными словами, эмоция участия переносится с самого факта признания напрямую на рассказчика.

Подведем промежуточный итог. Проанализированные переводы женской группы испытуемых позволяют говорить о некоторых общих особенностях и тенденциях. Из 19 единиц перевода с семантикой жестокости в 9 представлен тот же объем семантики, что и в исходном отрывке. Другими словами, половина единиц сохраняет семантику жестокости, поскольку испытуемые переводили описания насилия или насильственных действий, подбирая такие переводческие эквиваленты, которые не усиливают и не смягчают данную семантику. Однако касательно других 10 единиц, необходимо сделать несколько уточнений. Лишь в некоторых случаях, а именно в 4 (единицы 1а, 10а, 11а, 18а), семантика жестокости становилась более явной, чем в исходном тексте. Заметное «смягчение» семантики жестокости выявляется, главным образом, в переводах 2 единиц (7а, 13а). Четыре оставшиеся единицы (2а, 5а, 9а, 15а) также сохраняют семантику жестокости в переводах, но с некоторыми оговорками. Так, например, четверо испытуемых при переводе единицы (2а) *jemesuisfenduleschairs* используют лексические единицы, в значение которых не входит описание жестоких действий. Однако мы можем предположить, что подобные лексические замены были вызваны личным выбором переводчика, поскольку контекст и языковые различия в грамматике и лексике не накладывали дополнительных ограничений при переводе (большинство испытуемых сохраняли компонент жестокости). При переводе единицы *entendsdelonguesheuressescrissublimes*, *semblablesauxrâlesperçantsdesblessésagonisants* в двух случаях наблюдалось использование трансформации лексического добавления, испытуемые добавляли лексему со значением *наслаждение*, это было продиктовано контекстом, хотя и не выражалось в ИТ. Кроме того, перевод данной единицы, судя по анализу анкет, показался несколько трудным из-за обилия средств выразительности речи. Единицы (5а) и (15а), где фигурируют

лексемы *assassiner* и *tuer à coupsdecouteau*, соответственно, сохраняли семантику жестокости в переводах, но с другим объемом. Лексическая единица *assassiner* часто переводилась испытуемыми глаголом *убить*, в ядерной семе которого отсутствует компонент преднамеренности, что говорит о тенденции к генерализации данного понятия при переводе на русский язык. Подобная тенденция наблюдается в переводах единицы 7а, где она вызвала потерю значимого семантического и стилового компонента отрывка, поскольку глагол *rectifier* принадлежит разговорной речи. Наоборот, некоторое увеличение семантики жестокости наблюдается в переводах единицы *tuer à coupsdecouteau*, из-за лексической несочетаемости, некоторые испытуемые решали заменить данное выражение лексемами *зарезать*, *зарубить*, *добить* с помощью приема конкретизации, что привело к усилению семантики жестокости, потому что данные глаголы указывают на способ убийства и мучения объекта действий, а также *зарезать* относится к разговорному стилю.

Две оставшиеся рассматриваемые нами единицы не включают семантику жестокости, но при их переводе проявились некоторые особенности, которые в целом влияют на перевод. Единица *mesidéessontaumoinsingulières* в четырех случаях переводилась с использованием лексем с негативной коннотацией, хотя данный коннотативный компонент отсутствовал в ИТ. При переводе единицы *n'est-ilpasvrai, monami, que, jusqu'à uncertainpoint, tasympathieestacquise à maconfession?* переводчики-женщины ориентировались на периферийный компонент значения лексемы *sympathie*. Как следствие, большинство испытуемых выбрали лексические единицы, означающие сочувствие, жалость, сострадание.

2.2. Анализ переводов, выполненных мужчинами

При переводе первой единицы использовались различные способы:

1б) *j'aurais voulu lui enlever ses joues avec un rasoir*

- у меня возникло непреодолимое желание порезать бритвой его милые щёчки;
- я хотел заполучить его лицо, снять с него слой кожи;
- мне захотелось срезать лезвием эти щечки;
- все что мне хочется, это пройтись бритвой по его щечкам;
- мне хотелось запустить в эти щёки бритву и исполосовать его крохотную пасть.

Всего были использованы лексемы синонимического ряда с семантикой 'резать': *срезать* (5), *порезать* (2), *провести* (2), *исполосовать* (2), *содрать*, *снять* [слоякожи], *снять* [кожу], *пройтись*, *расширить*. В десяти (10) переводах глагол *enlever* с абстрактной семантикой «снимать, удалять» был интерпретирован через контекстуальные эквиваленты с конкретным значением, включающим в себя семантику жестокости: *срезать* (5), *порезать* (2), *содрать*, *исполосовать* (2). Два испытуемых предпочли оставить тот же объем значения глагола: *снять* (2). Однако в четырех переводах наблюдается «смягчение» семантики жестокости: *провести* (2), *пройтись*, *расширить*. Можно предположить, что ввиду грамматической и семантической несочетаемости словарных эквивалентов исходного глагола, испытуемые имели тенденцию делать лексические замены, основываясь на контексте, что и привело к усилению семантики жестокости в 10 работах.

Перевод единицы (2б) *j'emesuis fendu les chairs* выполнен при помощи различных лексем: *разрезать* (6), *порезать* (2), *вонзить*, *срезать*, *рассечь*, *распороть*, *разорвать*, *расширить*, *вытянуть*, *нарисовать*. Примеры переводов испытуемых:

- заставил улыбку кровью расплыться на моём лице, разрезав уголки губ;
- нарисовать себе улыбку ножом;
- разорвал плоть в тех местах, где смыкаются губы;

- *порезал места, где соединяются губы.*

Семантику жестокости в ПТ увеличивают следующие лексемы (10): *разрезать* (6), *порезать* (2), *вонзить*, *срезать*; поскольку они конкретизируют (эксплицируя инструмент и способ действия) абстрактную семантику исходного глагола. Три испытуемых выбрали словарные эквиваленты для исходного предиката, сохранив тот же объем значения глагола, что и в ИТ: *рассечь*, *распороть*, *разорвать*. Три перевода не содержат глагола активного действия с прямым указанием на жестокие действия: *расширить*, *вытянуть*, *нарисовать*. Забегая вперед, отметим, что в обеих группах переводчики выбирали различные стратегии: генерализацию, конкретизацию; однако семантика жестокости не зависела от этого напрямую. Таким образом, можно предположить, что выбранные переводчиком средства перевода не столь сильно влияют на эквивалентность и адекватность перевода, как на то влияет сам замысел переводчика и его личностные характеристики.

Переводединицы (3б) *cetteboucheteurtrieparmaproprevolonté* был выполнен разнообразно:

- *из зеркала на меня смотрел помешанный лик;*
- *наблюдал в зеркале эту траурную улыбку;*
- *я видел истерзанное лицо и наслаждался этим зрелищем;*
- *окровавленные губы и дикий азарт в глазах;*
- *отражались многострадальные уста.*

Всего были использованы лексемы-эквиваленты исходной лексической единицы *teurtrie*: *изувеченный* (3), *окровавленный* (2), *разрезать* (2), *испорченный*, *истерзанный*, *мёртвый*, *измученный*, *пострадавший*, *покалеченный*, *многострадальные*, *траурный*. В двенадцати переводах сохраняется семантика жестокости: *окровавленный* (2), *истерзанный*, *изувеченный* (3), *пострадавший*, *испорченный*, *измученный*, *покалеченный*, *разрезать* (2). Однако в двух (2) случаях переводчики изменяют лексику ИТ: *вижу в зеркале – это самоубийцу и грешника*; *Из зеркала на меня смотрел*

помешанный лик, - при этом семантика жестокости опускается, но добавляется дополнительное негативное коннотативное значение. Также, в двух переводах появляется добавочная негативная окраска единицы: *отражались многострадальные уста; наблюдал в зеркале эту траурную улыбку*. Можно предположить, что подобное разнообразие интерпретаций и переводов было вызвано неясной семантикой и частеречной принадлежностью исходной лексемы.

Следующая единица была переведена довольно единообразно:

4б) *lesangquicoulaitavecabondancededeuxblessures*:

- *однако фонтанирующая кровь не позволяла распознать в этом мясном безобразии улыбку;*
- *кровь, которая интенсивно лилась из двух ран;*
- *бесконечный поток крови, сочившийся;*
- *пульсирующая из двух ран кровь.*

Во всех переводах данной единицы сохранен образ текущей крови, тем не менее, в двух переводах эпитеты *бесконечный* [*поток крови*] и *фонтанирующая* [*кровь*] придают эмоциональную выразительность высказыванию и делают его более экспрессивным, так же, как и метафора *мясноебезобразие*. Кроме того, в девяти (9) переводах сохраняется обстоятельство со значением «обильно»: *обильно течь* (5), *интенсивно литься, обильно стекать*. Однако в пяти (5) переводах утерян компонент значения обильности, поэтому можно сказать, в этих переводах семантика жестокости была смягчена: *течь, сочиться, пульсировать, стекать*.

В переводах единицы (5б) *j'aiétémeassassiné* прослеживается тенденция к сохранению семантики жестокости:

- *я даже убил прохожего* (5);
- *я прирезал одного прохожего;*
- *пришлось вскоре убить свидетеля;*
- *я расправился с одним прохожим.*

Переводы данной единицы являются, по большей части, однородными. Двенадцать переводчиков выбрали эквивалент *убил*, в двух переводах была использована трансформация добавления: к глаголу *убить* была добавлена модальность *пришлось*. Иной стилистической окраской обладают переводы *расправился*, *прирезал*, они принадлежат к разговорному стилю, который привносит эмоциональную выразительность в ПТ с целью воздействия на читателя и усиления семантики жестокости.

Далее рассмотрим единицу (6б) *j'ai jeté son cadavre*, которая была переведена разными способами, например:

- *но я сбросил его труп;*
- *я выбросил труп;*
- *пришлось бросить его труп;*
- *я спрятал его труп.*

Всего были использованы лексемы: *бросил* (5), *сбросил* (4), *спрятать* (2), *выкинул* (2), *скинул*, *кинул*, *выбросил*. Большинство переводов (13) сохраняют тот же объем семантики жестокости и экспрессивности средств ее выражения, что были использованы в ИТ: *бросил* (4), *сбросил* (4), *выкинул* (2), *скинул*, *кинул*, *выбросил*. Модальность добавляется одним испытуемым посредством дополнительного значения необходимости или принудительности *пришлось бросить*. «Смягчению» семантики жестокости способствует семантическая замена *спрятал* (2), в которой отсутствует компонент значения *отказываться*, *покидать* и др. Объект, на который направлено действие (пациенс) переводится двумя способами: *труп* (12) и *тело* (4). Можно отметить, что мужчины-переводчики выбрали для данного существительного менее разнообразные эквиваленты, чем женщины.

Также разнообразные способы перевода присущи единице

7б) *jet 'apprends à rectifié quelqu 'un*:

- *я научу тебя, как надо расправляться с человеком, чтобы тебе всё сошло с рук;*

- *нужно поучиться, прежде чем сможешь испытать максимум наслаждения;*
- *я научу тебя, читатель, как позабавиться с кем-то...;*
- *я научу, как заметить следы и как выйти сухим из воды;*
- *я научу вас убивать кого-то, чтобы вам сходило это с рук.*

Всего испытуемые при переводе использовали отдельные лексемы или словосочетания: *избавиться* (3), *исправлять ошибки* (2), *убить* (2), *заметать следы*, *позабавиться*, *пощучиться*, *это сделать*, *делать все так*, *совершить убийство*, *убийство*, *расправиться*, *прикончить*. Первый тип переводов (10 случаев) включает единицы переводы, в которых была использована семантическая замена, в ходе которой значение *убийства* было опущено: *исправлять ошибки* (2), *заметать следы*, *позабавиться*, *избавиться* (3), *пощучиться*, *это сделать*, *делать все так*. Переводы *избавиться* (3) также включают значение убийства, однако они приобретают его только в определенном контексте, и данная идея выражается в них лишь имплицитно: *Я научу тебя как избавиться от кого-то и как выйти сухим из воды*. Таким образом, можно предположить, что большинство переводчиков стремились избежать использования глаголов активного действия с прямым значением убийства, несмотря на то, что он присутствовал в ИТ. Напротив, в шести (6) случаях переводчики предпочли использовать один из словарных эквивалентов либо синонимичную лексику(ы): *совершить убийство*, *убить*(2), *убийство*, *расправиться*, *прикончить*. Разговорная стилистическая окраска присуща лишь двум переводам, в то время как единица ИТ разговорная: *Я научу тебя прикончить кого-нибудь и выйти сухим из воды*.

Кроме того, при переводе устойчивого сочетания *s'entirer à bon compte* некоторыми испытуемыми так же использовались фразеологизмы: *заметать следы*, *выйти сухим из воды*(3), *сойти с рук* (3).

Рассмотрим переводы единицы

8б) *pendant que tu déchireras ses chairs palpitantes:*

- *разрывая его рыхлое недра;*

- *отрезая от тела сочащуюся плоть;*
- *в то время как разрезаешь его животрепещущую плоть;*
- *завязываешь ему глаза и в это же время распарываешь трепещущую грудь.*

При переводе предиката испытуемые использовали следующие лексические единицы: *разрывать* (5), *резать* (4), *разрезать* (2), *срезать*, *распарывать*, *раздирать*, *разделявай*, *отрезать*. Все переводы представлены в виде словарных эквивалентов глагола *déchirer*, однако разделяющиеся на две группы (1 – с семантикой «разделять на части чем-либо острым»; 2 – «разделять на части»): 1 – «*резать*» (4), «*разрезать*» (2), «*отрезать*», «*срезать*»; 2 – «*разрывать*» (5), «*распарывать*», *разделявать*, *раздирать*. Необходимо ответить, что все испытуемые без исключения сохранили семантику жестокости, а в некоторых переводах даже проявляется бо́льшая интенсивность «жестоккой» семантики. Данный факт необходимо отметить и сопроводить примерами, поскольку семантика исходного глагола крайне абстрактна и варьируется от ‘раздаться’ и ‘причинить боль’ до ‘разрывать (бумагу, ткань, кожу)’: *разделявай его тело на кусочки; раздираете его на кусочки; отрезая от тела сочащуюся плоть; в это же время распарываешь трепещущую грудь*. Приведенные примеры усиливают выразительность текста, а именно лексем, содержащих описания насильственных действий, так как при их переводе испытуемые выбрали лексические единицы с более конкретной (чем у исходного глагола) семантикой. Также, лексическая замена *palpitante* (‘трепещущий’) – сочащийся – усилила семантику насилия ввиду своей коннотативной отнесенности к слову *кровь* в данном контексте. Кроме того, можно предположить, что перевод *режешь его мягкие щеки* был продиктован контекстом, и отсылает нас к предыдущим переводческим единицам, встречавшимся в данном тексте.

Следующую единицу также стоит проанализировать подробно.

96) *entends de longues heures ses cris sublimes, semblables aux râles perçants des blessés agonisants:*

- *долго и внимательно вслушивайся в жалостливый стон, напоминающие предсмертные хрипы умирающего;*
- *долгими часами слушай его восхитительные крики, похожие на пронзительные вопли раненых, страдающих в агонии;*
- *слушай его пронзительные вопли, напоминающие крики предсмертной агонии;*
- *наслаждаться ее душераздирающими криками.*

Некоторые трудности для испытуемых представлял перевод лексемы *sublime*, переводы которой можно разделить на три типа: 1) *пронзительный*(2); *неземной* (2); *протяжный; жалостливый; громкий*; 2) *восхитительный; изумительный; великолепный; возвышенный; божественный*; 3) *душераздирающий; отчаянный*. Первый тип лексем описывает качественную характеристику звука (громкость, длительность, свойства): *слышать его громкие крики, хрипы предсмертной агонии*. Для второго характерно наличие положительного коннотативного компонента значения, то есть словарные эквиваленты исходного прилагательного: *долгие часы слышите её возвышенные крики*. Наиболее интересен для нас третий тип, который включает лексические единицы тематической группы ‘страдание\жестокость’, поскольку в перевод добавляется акцент жестокости, отсутствовавший в ИТ: *упивайся его отчаянным хрипом*. Также, стоит отметить, что третий тип лексем был выбран испытуемыми благодаря подходящему контексту. Все переводы получились разными, возможно из-за большого количества эпитетов и сравнений. Среди них можно выделить переводы, в которых семантика жестокости усиливается. Для 4 испытуемых характерно использование лексической замены для сказуемого *entends* ‘слушай’ со значением наслаждения, получения удовольствия: *внимай божественным крикам; упивайся его отчаянным хрипом; наслаждаться ее душераздирающими*

криками; наслаждайся его изумительными криками. В 3 переводах было опущено множество деталей, поэтому можно предположить, что данные испытуемые избегали точного описания сцены жестокости: *упивайся его отчаянным хрипом; крик агонии пронзит воздух; наслаждаться ее душераздирающими криками*. В целом, можно заключить, что все переводы в некоторой степени передают семантику жестокости.

Единица анализа (10б) *enfoncelesongleslongsdanssapoitrinemolle* имеет широкий спектр интерпретаций ввиду отвлеченного значения предиката:

- *вбей длинные когти в его мягкую грудь;*
- *впейся длинными ногтями;*
- *вбей длинные когти в его мягкую грудь;*
- *ты вонзаешь свои длинные ногти.*

Всего при переводе испытуемые использовали лексемы: *вонзить* (8); *впиваться* (3), *вбить*, *воткнуть*, *вогнать*, *запустить*, *протолкнуть*. Большая часть переводов (14) выполнена с сохранением выразительной семантики жестокости: *вонзить* (8), *впиться* (3), *вогнать*, *воткнуть*, *вбить*. Два перевода даны со «смягченной» семантикой из-за выбранного в них глагола с более абстрактной семантикой: *протолкнуть длинные ногти; запустить ногти*. Таким образом, в переводах сохраняется тенденция к выразительности семантики жестокости.

Несколько иная тенденция проявляется в переводах единицы (11б) *de façon qu'il ne meure pas; car, s'il mourait, on n'aurait pas plus tard l'aspect de ses misères*. Четыре перевода эксплицитно выражают тему *наслаждение*, которая в оригинале была выражена только имплицитно: *нельзя будет насладиться её страдающим видом; чтобы дольше смаковать его предсмертные трепыхания; не сможешь насладиться его страданиями; ты больше не сможешь наслаждаться зрелищем, наблюдая за его страданиями*. Большинство (11) переводчиков не стали выражать данную семантическую единицу с использованием дополнительных лексических средств: *если он умрет, то не сможет видеть своих страданий; если он умрёт, мучениям*

придется положить конец; не сможешь созерцать все её муки; в противном случае, она не будет страдать; не успеет осознать всю свою безнадежность; нельзя будет увидеть его страдания. В одном переводе данный фрагмент был опущен. Таким образом, можно заключить, что четыре испытуемых увеличили семантику жестокости благодаря использованию дополнительного сигнификативного компонента *наслаждение*, а большинство переводчиков сохранило тот же объем содержания, что был дан в исходном тексте.

Намного более однообразно переведена следующая единица:

12б) *jemejètesurlecorpsdelajeunefille*

- *набросился на это юное тело (2);*
- *накинулся на тело девушки;*
- *я кинулся на молодую маленькую девочку;*
- *я набросился на молодое изящное тело*
- *я бросился на хрупкий цветок.*

Переводы выполнены с использованием лексем *броситься* (8), *наброситься* (5), *кинуться*, *накинуться*. Один перевод «смягчает» семантику жестокости исходного текста: *«прижался к ее телу»*. Таким образом, большинство переводчиков полно передают семантику оригинала.

Единица (13б) *violervirginitédécetteenfantdélicate* была переведена несколькими основными способами:

- *выказывала свое наслаждение лишением невинности этого нежного бутона;*
- *мое лицо исказилось от наслаждения сорвать драгоценный юный бутон;*
- *желая сорвать её хрупкие лепестки девственности;*
- *надругавшись над невинностью нежного ребенка;*
- *меня будоражила мысль лишить невинности этого хрупкого ребенка.*

Были использованы следующие лексемы: *лишить* (4), *насиловать* (2), *насилие* (2), *сорвать* (2), *нарушить* (2), *надругаться*, *запачкать*, *опорочить*, *отнять*. В 5 переводах содержится семантика насилия: *упиваюсь насилием над девственностью этого нежного создания; с утробным рыком начал насиловать; с уродливой физиономией начал насиловать её; надругавшись над невинностью нежного ребенка; наслаждался ею, насилием над хрупким ребенком*. Два переводчика использовали добавление *наслаждение насилием*. Также лексема *надругаться* принадлежит к книжной лексике и придает выразительность данному отрывку. В двух переводах отсутствует лексика, принадлежащая к тематической группе ‘насилие’, но глагол содержит дополнительное негативное коннотативное значение: *запачкать невинную чистоту этого невинного ребёнка; я опорочу эту утонченную девушку*. Два перевода не содержат семантику жестокости и выполнены с применением сравнения либо метафоры, которые «ослабляют» жестокость: *желая сорвать её хрупкие лепестки девственности; мое лицо исказилось от наслаждения сорвать драгоценный юный бутон*. Вторая половина испытуемых использовала стилистически нейтральную лексику (8 переводов): *упивался ею, отнял невинность у этого нежного ребенка; нарушить девственность этого нежного ребенка; запачкать невинную чистоту этого невинного ребёнка; лишил её невинности*. Нейтральная и общеупотребительная лексика не позволила переводчикам передать семантику насилия, содержащуюся в ИТ. Для переводов данной единицы не характерна сохранение компонента жестокости.

Далее рассмотрим переводы единицы

14б) *desonventredéchiré*:

- *из ее разорванного живота;*
- *из женской утробы;*
- *из ее разорванного чрева;*
- *из её разрезанного живота.*

Меньше чем в половине переводов (7) присутствует перевод лексической единицы *déchiré*, причем, в большинстве случаев переводчики выбрали лексему *разорванный* (6) и один раз – *разрезанный*. Однако в 9 переводах данная лексическая единица была опущена. Большинство переводчиков предпочли опустить прилагательное, описывающее результат насильственных действий.

При переводе единицы (15б) *j'ai aidé à résoudre la tuer à coups de couteau*, в целом, наблюдается сохранение семантики жестокости:

- *я решил зарезать её;*
- *я решил лишить её жизни с помощью ножа;*
- *я решил убить её ударами ножа;*
- *решил, что она уйдет в невинном возрасте от моих ударов ножом;*
- *принял решение убить ее ударом ножа.*

Всего были использованы лексемы: *убить* (8), *зарезать* (4), *лишить [жизни]*, *уйти*, *расчленил*, *заколоть*. Все переводы, кроме двух, выполнены с сохранением семантики жестокости: *решил лишить её жизни с помощью ножа; решил, что она уйдет в невинном возрасте от моих ударов ножом*. В обоих переводах используется книжный, высокий стиль лексики (*лишить жизни, уйти [из жизни]*), которая выражает идею убийства в переносном значении. Тем не менее, для большинства переводов характерно сохранение значения исходной лексики *убить* (8), *зарезать* (4) или *заколоть*: *я решил её заколоть ножом; принял решение убить ее ударом ножа; я, наконец, убиваю её ножом*. Отдельно следует рассмотреть перевод *решил расчленил её*, в котором используется приём конкретизации, благодаря чему «увеличивается» компонент значения жестокости. Таким образом, большинство (14) ИИ сохранило семантику жестокости. В 6 переводах – *зарезать* (4), *расчленил, заколоть* – увеличивается значимость семантического компонента ‘жестокость’, поскольку их значение включает способ убийства и/или издевательство над трупом.

Единица (16б) *j'ai coupé les mains de la fille* была переведена испытуемыми в достаточно единообразной манере:

- *я порезал руки девочки;*
- *я отрезал её кисти;*
- *я отрезал кисти;*
- *я надрезал ее ладони;*
- *я отрезал ей руки (3).*

Семантика жестокости становится более интенсивной в 11 переводах *отрезать* (10), *обрубить*, поскольку здесь выбраны лексемы, описывающие необратимые физические увечья. Пять переводов содержат лексические единицы *порезать* (4), *надрезать*, описывающие жестокие действия, ущерб от которых носит временный характер, в связи с этим интенсивность компонента жестокости в значении слова меньше, чем в первом случае. Некоторые переводчики подбирали более конкретный эквивалент исходной лексеме *mains* 'руки' – кисти (5), ладони (2).

Единица (17б) *j'ai tenté de sectionner à l'endroit où se trouvaient les artères, creusant dans les bras* переведена различными способами:

- *я попытался вскрыть места пересечения артерий, разрезая руки;*
- *разрезать места, где проходили артерии на руках;*
- *я попытался рассечь места, где находятся артерии, углубляясь в;*
- *я принялся искать кровь в артериях, исследуя руки;*
- *поэтому я решил найти артерии на её теле, вонзая нож.*

Всего при переводе лексемы *sectionner* используются слова: *разрезать* (3), *вскрыть* (3), *порезать* (2), *искать* (2), *рассечь*, *надрезать*, *резать*, *найти*, *остановиться*, *взрыть*. Лексическая единица *creusant* была опущена в большинстве переводов, но в других она выражена словами *исследовать*, *разрезать*, *копаться*, *углубляться*, *проходить [ножом]*, *вонзать*. В 3 переводах используется лексическая замена с опущением лексем, описывающих жестокие действия: *поэтому, я начал искать артерии; я принялся искать кровь в артериях, исследуя руки; я решил остановиться на*

местах где проходили артерии. В девяти (9) переводах сохраняется семантика смыслового предиката, отображающего жестокость: *разрезать места, где проходили артерии на руках; я попытался разрезать место, где находятся, спрятанные в руках; я попытался порезать там, где были артерии; я надрезал артерии и горло; я постарался порезать места на предплечьях; поэтому я решил найти артерии на её теле, вонзая нож.* Последний пример необходимо рассмотреть отдельно, так как несмотря на то, что переводчик совершает лексическую замену с нейтральной коннотацией *найти*, он использует лексему *вонзить*, которая получает в этом контексте семантику жестокости. Третья группа переводов включает единицы, в которых были сохранены обе лексемы, описывающие жестокие действия (*sectionner, creusant*): *Поэтому я попытался разрезать места, где находились артерии, копаясь в; я рискнул резать в местах, где проходили артерии, проходя ножом.* Таких переводов оказалось 4. Однако, в трёх из них эквивалент *creusant* выражен единицей не содержащей семантики жестокости, а только приобретающей её в данном контексте. В одном переводе *я попытался вскрыть места пересечения артерий, разрезая руки* используются лексемы, словарные толкования которых содержат семантику насилия.

Следующей мы рассмотрим единицу перевода

(18б) *s'apprête, sans pâlir, à fouiller le vagin de la malheureuse enfant:*

- *я был готов хладнокровно впиться лезвием в лоно этого несчастного дитя;*
- *начал рыться в вагине несчастной жертвы;*
- *чтобы порыться в влагалище этого чудесного ребенка;*
- *таким скальпелем, без стыда, обыскиваю влагалище несчастного ребенка;*
- *не бледнея, начал впарывать ребенку вагину.*

Всего при переводе лексической единицы *fouiller* были использованы лексемы: *рыться* (2), *впиваться* (2), *ковыряться*, *порыться*, *нащупать*,

обыскивать, прошерстить, исследовать, вспарывать, погружаться, копаться, орудовать, проникать. Все переводы мы разделим на три категории:

1. *погружаться, нащупать, обыскивать, исследовать, проникать,* – в значении глагола отсутствует семантика жестокости;
2. *рыться (2), вливаться (2), ковыряться, прошерстить, орудовать, порыться, копаться* – глаголы, в значение которых входит семантика незначительных повреждений;
3. *вспарывать* – глаголы описывающие жестокие или насильственные действия, совершаемые с причинением физического ущерба.

Итого, в первой группе – 5, второй – 9, третьей – 1.

Первая группа переводов «смягчает» семантику исходного глагола, тогда как слова второй группы являются словарными эквивалентами данной глагола. Третья группа, состоящая из 1 перевода, включает в себя переводы с «усиленной» семантикой насилия, так как значение исходного глагола не несло в себе подобного словарного значения.

Единица (19б) *de ce trou élargi, je retire successivement les organes intérieurs* была переведена в единой манере:

- *через расширившееся отверстие ловко вытаскиваю внутренности;*
- *из кровоточащего отверстия я извлек внутренние органы;*
- *из этого увеличенного отверстия я предварительно удаляю внутренние органы;*
- *из расширившегося отверстия я начал вынимать внутренние органы;*
- *из этого расширенного отверстия я последовательно достал внутренние органы*

Исходный глагол и само описание действия всеми испытуемыми было переведено так: извлечь (6), доставать (4), вытаскивать (3), вытягивать, удалять, вынимать. Несмотря на это, один испытуемый изменяет ИТ и добавляет действие *пронзать ножом: Расширяя рану, я пронзаю ножом*

внутренности. Такое лексическое добавление говорит об увеличении семантики жестокости и искажении исходного замысла автора.

Следующая единица, которую мы анализируем – 20б) *mesidéesontaumoinsingulières*, далее приведены примеры переводов испытуемых:

- *мои взгляды, по меньшей мере, странны;*
- *мои идеи, по крайней мере, были в своем роде исключительными;*
- *ты, пожалуй, признаешь мои идеи странноватыми;*
- *тебе показались мои идеи уникальными;*
- *мои идеи, так сказать, необычные.*

В отличие от переводов женской группы испытуемых, переводчики-мужчины не использовали лексем с негативной коннотацией. Всего ими были использованы следующие лексемы: *необычный* (3), *уникальный* (3), *единичный* (3), – (2), *странный* (2), *странноватый*, *оригинальность*, *исключительный*. Из данных переводов ни один не обладает явной негативной коннотацией, переводы *странный* (2) лишь потенциально могут обладать таковой. Также следует отметить меньшее разнообразие мужских переводов: всего ими было использовано 7 различных лексем, тогда как в женских переводах присутствует 11 различных лексических единиц.

Следующая единица, которую мы рассмотрим – (21б) *n'est-ilpasvrai, monami, que, jusqu'àuncertainpoint, tasympathieestacquise à maconfession?* Среди полученных переводов наиболее показательными являются ниже следующие:

- *разве не правда, мой дорогой друг, что до определенного момента тебе даже нравилось моё раскаяние?*
- *не правда ли, мой друг, что до определенного момента моей исповеди ты проникся к ней симпатией?*
- *разве это не правда, мой друг, что в какой-то степени твое сочувствие приобретено моим признанием?*

- разве не правда, что ты, в некоторой степени, зауважал меня после моего признания?

Для определения семантических особенностей интерпретации данной единицы необходимо проанализировать выбор переводческих эквивалентов для лексической единицы *sympathie* ('симпатия, доброжелательность, сочувствие'): *сочувствие* (4), *симпатия* (6), *симпатизировать* (2), *нравиться* (2), *симпатичен*, *зауважать*. Можно отметить, что большинство переводов (12 случаев) сконцентрировано вокруг лексемы со значением 'нравиться' или 'проявлять расположение к чему-либо'. В то время как только четверо испытуемых выбрали лексическую единицу со значением 'сочувствие'. Лишь один перевод содержит лексему с семантикой 'уважение', что близко к семантическому искажению исходной единицы. В четырех переводах эквивалент лексемы *sympathie* направлен не на признание рассказчика, а на самого рассказчика.

Обобщая результаты, полученные в этой группе испытуемых, можно отметить, что при переводе 6 единиц (2б, 6б, 8б, 12б, 16б, 19б) прослеживаются явные тенденции сохранять семантику исходного текста и использовать лексические единицы близкие по значению к исходным. Для двух единиц (1б, 10б) характерны переводы, усиливающие семантику жестокости, при переводе *j'aurais voulu lui enlever ses joues avec un rasoir*, по-видимому, это было вызвано грамматической и лексической несочетаемостью, а на выбор эквивалентов для единицы *enfonce les ongles longs dans sa poitrine molle* мог повлиять личный выбор переводчика. Три единицы (7б, 13б, 14б) были переведены в менее «жестоким» манере, так как испытуемые отдавали предпочтение лексическим единицам, не несущим семантику насилия либо опускали подобные лексемы ИТ при переводе. В целом, в 6 единицах (3б, 4б, 5б, 9б, 11б, 15б, 17б) семантика жестокости сохранена, однако с некоторыми оговорками. Единицы 5б, 9б, 11б интерпретировались испытуемыми приблизительно к исходному тексту, все переводы сохраняют жестокость, и в некоторых из них

она даже усиливается. Лишь незначительное число переводов единиц (3б, 4б, 15б, 17б), в которых не была сохранена семантика жестокости, не позволила нам отнести их к первой группе. При переводе единицы 18б (*s'apprête, sanspâlir, à fouillerlevagindelamalheureuseenfant*) наблюдаются несколько противоречивые тенденции: чуть больше половины испытуемых выбрали словарный эквивалент предиката, но также больше четверти испытуемых выбрали эквивалент, который не содержит в своём значении указаний на насилие.

Подведем промежуточный итог. Переводчики-женщины чаще следуют синтаксической структуре оригинального текста, в то время как переводчики-мужчины склонны к опущениям и сокращениям при переводе. Как правило, мужской перевод более компактен.

В женских переводах в большей степени заметно сохранение образности и метафоричности исходного текста. Кроме того, высокочастотным является также использование конструкций «наречие + наречие» (слишком безжалостно; очень хорошо), простых и сложносочиненных предложений, синтаксических оборотов с двойным отрицанием; частое использование знаков пунктуации, высокая эмоциональная окраска речи в целом.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проанализировав основные особенности переводов 21 единиц текста, выполненных испытуемыми, мы можем обобщить выявленные тенденции. Явные различия между данными двумя группами наблюдаются в переводах 4 единиц (7, 14, 16, 18), описывающих жестокие или насильственные действия. Также обе дополнительные единицы (20, 21), не содержащие семантику жестокости, были по-разному переведены женщинами и мужчинами. Кроме этого, переводы двух единиц (4, 5) имеют свои отличительные тенденции в зависимости от группы испытуемых. 13 единиц анализа, т. е. подавляющее большинство, имеют малое количество различий между гендерными группами.

В тех отрывках, перевод которых различается в двух группах испытуемых, переводчики-женщины, как правило, сохраняли семантику жестокости, выражая ее эквивалентными средствами. Переводчики-мужчины, напротив, обычно сглаживали жестокость, что делало текст менее выразительным, но и менее неприятным для чтения.

Отрывки текста, выражающие жестокость косвенно, переведены переводчицами-женщинами почти буквально (с использованием словарного эквивалента), в то время как переводчицы-мужчины использовали лексику, имеющую в своем значении и иные коннотации, не отраженные в двуязычных словарях.

В обеих группах, и в мужской, и в женской, прослеживается тенденция сохранять семантику жестокости, если она присутствует в ИТ. Переводческие решения мало варьируются в зависимости от гендерной принадлежности переводчика. Подобный вывод может распространяться только на тексты, где описываются жестокие и насильственные действия, поскольку в ходе нашего исследования мы не обнаружили качественной и количественной разницы между переводами, выполненными женщинами и мужчинами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа была посвящена изучению особенностей перевода художественного текста с выраженной семантикой жестокости с французского языка на русский в аспекте гендера переводчика. Сконцентрировавшись на средствах выражения жестокости и насилия и средствах их перевода с французского языка на русский, мы ставили перед собой цель выявить влияние гендера переводчика на выбор переводческих решений при переводе текста с семантикой жестокости. Данную цель можно считать достигнутой, поскольку проанализированный материал позволил нам сделать выводы о том, влияет ли гендер переводчика на выбор средств перевода текста с семантикой жестокости.

Перевод понимается нами в рамках исследования как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении значения. Значение текста трактуется максимально широко, включая стилистические, прагматические и др. компоненты текста.

Поскольку исследование носило экспериментальный характер, нами была сформулирована следующая рабочая гипотеза: переводчики с разной гендерной идентичностью будут выбирать разные переводческие трансформации и приемы при переводе текста с семантикой жестокости. Анализ эмпирического материала проведенного эксперимента показал, что эта гипотеза не подтверждается: переводы, выполненные мужчинами и женщинами, не отличаются существенно по выбранным трансформациям и приемам перевода. Иными словами, глядя только на текст перевода, невозможно с точностью определить гендер переводчика.

Нельзя сказать, что гендерное переводоведение оформилось уже в отдельную область исследований. Однако многие исследователи, занимающиеся проблемами гендера в переводе, сходятся во мнении, что переводчики с различным гендером, как правило, выбирают разные средства

перевода и что переводы, выполненные мужчинами и женщинами, различаются достаточно существенно, чтобы по ним можно было определить гендер переводчика.

Наше исследование вносит коррективы в столь общие выводы. Эксперимент показал, что значительное влияние оказывает также и семантика текста. Это означает, что имеются такие тексты, которые переводчики-мужчины и переводчики-женщины склонны переводить с использованием разных трансформаций, переводческих стратегий и т.д., но есть и такие тексты, которые переводчики-мужчины и переводчики-женщины склонны переводить с использованием сравнительно идентичных трансформаций, средств, стратегий и т.д.

В качестве перспективы исследования можно назвать проблему вербальной агрессии, которая привлекает все большее внимание ученых различных областей от социологии и психологии общения до лингвистики. Сюда относятся тексты, содержащие описание не реальных актов жестокости и насилия, а их косвенное описание на уровне имплицатур, интертекстуальности и т.д. Поскольку жестокость, насилие, агрессия могут приобретать различные формы, то и средства их выражения, а, следовательно, и перевода также могут быть различны. Перспективным было бы выяснить, оказывает ли на эти средства влияние гендер переводчика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библиографические ресурсы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Витренко А.Г. Почему студенты не знают теории перевода [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://agvitrenko.3dn.ru/4utat/18.doc> (дата обращения: 11.06.2019).
3. Витренко А.Г. Что же все-таки такое «единица перевода»? Вопросы филологии. 2006. №2. С. 53–61.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Издательство Московского университета, 2007. 544 с.
5. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. СПб., 2003. 196 с.
6. Гомон Т.В. Исследование документов с деформированной внутренней структурой: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 96 с.
7. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 1996 179 с.
8. Давыдов Д.М., Лысенко Н.Е. Оценка текстовых описаний сцен насилия в зависимости от психотизма и половых различий // Психологический Журнал. 2011, Т. 32, № 3. С. 114–127
9. Давыдов Д.М., Лысенко Н.Е. Половые различия регуляции эмоциональных реакций при предъявлении текстов с агрессивным содержанием // Физиология человека. 2012. Т. 38. №4. С. 26–34.
10. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Психосемантическая оценка сцен насилия в художественных кинофильмах и депрессия зрителей. // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 19. С. 20–29.
11. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013а. 144 с.

12. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. 2013б. № 1. С. 8–19.
13. Зубакин М.В. Депрессия зрителей после восприятия художественных кинофильмов с насилием в связи с чертами личности // Вестник пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск 4 (16). 2016 С. 158–169.
14. Казакова Т.А. Художественный перевод. СПб, 2002. 267 с.
15. Кирилина А.В. Гендер и язык. М.: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
16. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. М.: Институт социологии РАН, 1999. 155 с.
17. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования// Отечественные записки. № 2 (23). М., 2005. С. 112–132.
18. Кожевников С.П., Лобанова О.С., Саладовникова Е.Н. Влияние компьютерных игр с элементами насилия на изменение спектров мощности ЭЭГ // Вестник Удмуртского университета. № 2. 2012. С. 56–61.
19. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 166 с.
20. Комиссаров В.Н. Перевод как объект лингвистического исследования // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 3–5.
21. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
22. Куликова Ю.С. Влияние личности переводчика на перевод художественных произведений: гендерный аспект (на материале русского, английского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2011. 168 с.
23. Ланцова Л.К., Полтавская В.О. Гендерный аспект при переводе художественного произведения // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. Материалы докладов VIII Международной

конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». 2016. С. 340–346.

24. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: НВИ – ТЕЗАУРУС. 2000. 280 с.

25. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 192 с.

26. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.

27. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: 1978. С. 36–41.

28. Рыбин П.В. Теория перевода. Курс лекций для студентов IV курса дневного отделения. М. 2007. 148 с.

29. Сергеева О.П., Сидорова Т.Н. Этнокультурные особенности восприятия жестокости в рекламе // Internationalstudentresearchbulletin. №5. 2016. С. 42–49.

30. Табурова С.К. Гендерные аспекты поведения парламентариев // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 84–92

31. Тихонова А.Л. К вопросу о школьном билингвизме // Довузовская подготовка в условиях реализации системы непрерывного образования: Материалы (областной научно-практической конференции.) БГПУ / отв. ред. А.Л. Шахова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2000. С. 56–58.

32. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 254 с.

33. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

34. Черничкина Е.К. Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2007. 29 с

35. Чеснокова М.С. Способы восстановления метафорических тропов в автопереводе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. СПб, 2003. 196 с.
36. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
37. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. М.: Просвещение, 1987. 160 с.
38. Bialystok E. Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. New York: Cambridge University Press, 2003. 288 p.
39. Catford J. Linguistic Theory of Translation. Oxford: University Press, 1965. 103 p.
40. Chesterman A. Memes of Translation. Helsinki: Finn Lectura, 1997. 212 p.
41. Davies A. The Native Speaker: Myth and Reality. Clevedon: Multilingual Matters, 2003. 237 p.
42. Nida E.A. Contexts in Translating. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 127 p.
43. Nida E.A., Taber Ch.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E.J. Brill, 1982. 218 p.
44. Neubert A. Some of Peter Newmark's translation categories revisited // Translation today. Trends and perspectives. Sydney: Multilingual matters, 2003. P. 68–76.
45. Toury G. Descriptive translation studies and beyond. Philadelphia: Benjamins, 1995. 331 p.
46. Vehmas-Lehto I. Quasi-correctness. A critical study of Finnish translations of Russian journalistic texts. Helsinki: Euvostolii Institut Vousikirja, 1989. 237 p.
47. Waard Jan de, Nida E.A. From one language to another: functional equivalence in Bible translating. Nashville: Nelson, 1986. 224 p.
48. Wei L. The Bilingualism reader. London: Routledge, 2001. 512 p.

49. Ducasse I. Le Compte de Lautréamont Les chants de Maldororet autrestextes. Paris: ADAGP, 2001. 446 p.
50. Bosco J.-O. Brutale. Paris: Robert Laffont, 2017. 416 p.
51. Chattam M. L'appel du néant. Paris: Albin Michel, 2017. 516 p.
52. Gatherias F., Oliveira E. Psychologues du crime. Paris: Fayard, 2018. 272 p.
53. Schulte-Ruether M., Markowitsch H.J., Jon S.N. et al. Gender differences in brain networks supporting empathy // NeuroImage. 2008. V. 42 (1). P. 393–403.
54. Feldman B.L., Lane R.D., Sechrest L., Schwartz G.E. Sex differences in emotional awareness // Personality and Social Psychology Bulletin. 2000. V. 26. № 9. P. 1027–1035.

Лексикографические ресурсы

55. Азимов Э.Г., Щукин А.Н.
Новый словарь методических терминов и понятий
(теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
56. Денисова А.А. (ред.) Словарь гендерных терминов. М.: Информационный центр «Информация 21 век», 2002. 78 с.
57. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
58. Griffin G. A Dictionary of Gender Studies. Oxford: Oxford University Press, 2017. 98 p.
59. Larousse. Dictionnaire français. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais> (дата обращения: 06.03.2019).

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра романских языков и прикладной лингвистики
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиПЛ
А.В. Колмогорова

« 02 » июля 2019г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
**ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ С
СЕМАНТИКОЙ ЖЕСТОКОСТИ С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ**

Выпускник

В.Г. Дубицкая

Научный руководитель

канд. филол. наук,
А.А. Яковлев

Нормоконтролер

В.В. Ефимова

Красноярск 2019